



ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ОЛИМПИАДУ!





Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2766)

19 ИЮЛЯ 1980

ЖАТВА



Виктор ЛОГИНОВ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

1

Кубанское хлебное поле...

Два человека стоят по пояс в пшенице и разминают в ладонях почти спелые колосья. Один говорит: «Доброе поле!» Другой прибавляет после молчания: «Красивое!» Слова произнесены разные, но смысл у них один, общий.



В колхозе десятки отличных шоферов. Все здесь знают водителя Ивана Марченко. Он доставляет на элеватор сильную и ценную пшеницу.



Жарко в степи.



Одним из первых в центральных районах Кубани начал жатву колхоз высокой культуры земледелия «Октябрь», Калининского района. Хорошо организует труд в поле агроном Петр Степовой.



Идет хлеб-80!



ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

11 июля в Риге состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Латвии и Верховного Совета Латвийской ССР, посвященное знаменательной дате — 40-летию восстановления Советской власти в республике.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый секретарь ЦК Компартии Латвии А. Э. Восс, Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР П. Я. Страутманис, члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП Латвии, руководители делегаций союзных республик, городов и областей РСФСР, знатные производственники, представители общественности.

Участники заседания с воодушевлением избирают почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

На торжественном заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил Б. Н. Пономарев.

Под продолжительные аплодисменты собравшихся Б. Н. Пономарев зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю знаменательной даты.

Б. Н. Пономарев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Латвийской ССР орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты участников заседания прикрепил высокую награду Родины к знамени республики.

С докладом на торжественном заседании выступил А. Э. Восс.

На снимке: вручение высокой награды.

Телефото ТАСС



Доброе, богатое, красивое — это все о нем, о раздольном кубанском поле. От Ейска до Курганинска и от Белой Глины до Темрюка — на нем в гуле тысяч и тысяч моторов разворачивается сейчас то сражение, которое мы называем коротко, но емко — жатва.

В начале июля скошен и обмолочен ячмень. В первой декаде месяца на тысячах гектаров уложена в валки вызревшая пшеница, поспевающие поля обкашиваются словно по линеечке.

Уже обкошено и дивное поле, у которого мы стоим. Пересек лесную полосу — и вот оно, лежит громадным солнечным прямоугольником, этаким плотным тугим монолитом. Миллионы колосьев — сразу все вместе и каждый тяжелый колос в отдельности. Стоит пшеница, высокая, живая, еле слышно позванивает, славит солнце, лето, жизнь. Надо вглядеться и вслушаться.

— Что это — голос!.. Смех или песня?

— Поле говорит.

— Но голос-то человеческий!

«Человеческий», — молча кивает председатель колхоза «Октябрь» Иван Васильевич Вусик. И больше ни о чем не надо спрашивать. Разгадка вот она, на поверхности: лицо и голос поля — это лицо и голос его творца, человека-мастера. А истинный мастер творит все по образу своему и подобию, совмещая пользу с услаждающей душу красотой.

Пшеничное поле было произведением души и мастерства, а люди, взрастившие его, были истинными художниками. Так вот уже куда простирается мечта хлебопашца! Сделать не только быстро и качественно, но и красиво. Чтобы красота и духовность увенчивали пользу.

Над макушкой поля зависает в вираже вертолет. А сверху какое оно!.. И вспоминается полет прошлым летом из Алма-Аты в Краснодар.

До этого дня в пору жатвы еще ни разу не приводилось бросить взгляд вниз с высоты целых десяти километров. Летал много, но оценить картину мешали облака. А тут беспредельное голубое небо и земля под крылом на сотни верст как на ладони. Отчетливо возник в иллюминаторе и долго маячил, не сдвигаясь с места, двуглавый белоснежный Эльбрус. Но что это? Стало совсем желто, живописно солнечно на горизонте. Не Кубань ли там, в нежной золотистой дымке? И сразу перехватило дыхание — Кубань родимая!

Дух захватило, и обожгла такая броская, так умело организованная человеком красота кубанского хлебного поля. Я разглядел значительную часть его, составленного из больших квадратов и прямоугольников желтого цвета, причем желтизна была самых разных оттенков — то ярких, то вроде бы выгоревших на солнце. И вот что самое удивительное: не было в этом рукотворном рисунке пестроты, разбросанности и лоскутности, а было что-то цельное, подчиненное единому замыслу, как в истинно самобытном, отмеченном искрой таланта произведении. Силен же, талантлив человек, сотворивший такое чудо!

Два человека стоят в пшенице, разминают в ладонях черствеющие колосья и молчат. Никаких слов здесь не надо. Здесь говорят глаза, и человек человека понимает душой.

А поле поет.

2

Степь привольная, мирная снова встречает тебя пшеничным прибоем. Каждый год все повторяется: предуборочные ожидания и тревоги, объезды полей, тихие минуты очарования, когда стоишь на краю лесной полосы и смотришь на живую, говорливую пшеницу... Все знакомое — и все новое, необычное. У каждой жатвы свой характер, свой почерк. Но лицо, лицо жатвы знакомо с давних пор. А уж улыбчивое лицо или строгое, нахмуренное — это зависит во многом от погоды, которая не часто балует хлебопашца.

Громадный цех хлебороба лежит под открытым небом. Нет крыши над полями — одни облака плывут в вышине, и пестро ложатся от них тени на землю. Степь могуча, но и беззащитна. Ее жжет солнце, ее гнет суховейный ветер. Степь одаривает хлебопашца радостью. Но она же — в часы буйства природы — приносит ему и горе. Я видел слезы на глазах бригадира. Он стоял на краю измочаленного градом, истерзанного пшеничного поля и плакал навзрыд. Я стоял неподалеку. Мне бы уйти, оставить человека наедине с непоправимой бедой. Зачем плачущему мужчине свидетели? А я не мог уйти, не слушались ноги...

Это было несколько лет назад, а плачущий казак все еще стоит перед глазами. И не забывается обезображенное слепой стихией поле. И сверлит опасливая мысль: как-то будет ныне?

В СЕМЬЕ НАРОДОВ-БРАТЬЕВ

12 июля в столице Советской Литвы Вильнюсе состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы и Верховного Совета республики, посвященное славной дате — 40-летию восстановления Советской власти в Литве.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров, первый секретарь ЦК Компартии Литвы П. П. Гришкявичус, Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР А. С. Баркаускас, Председатель Совета Министров республики И. А. Манюшис, члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП Литвы, руководители делегаций союзных республик, городов РСФСР, передовики производства, представители общественности.

С воодушевлением избирают участники заседания почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, на заседании выступил М. С. Горбачев.



Под продолжительные аплодисменты участников заседания он зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю 40-летия восстановления Советской власти в Литве.

М. С. Горбачев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Литовской ССР орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты участников заседания прикрепил награду к знамени республики.

С докладом на торжественном заседании выступил П. П. Гришкявичус.

На снимке: во время вручения награды.

Телефото В. Гуляевича, Т. Жебраускаса (ТАСС)

Весна была холодная и дождливая — затяжная. Хлеба кое-где полегли. Но та беда еще не беда: кубанцы научились мастерски убирать полеглую пшеничку. Боялись другого лиха — «захвата». Внезапный зной в конце июня опалил ячмень. Потери ощутимые. Но пшеница перенесла «солнечный удар» спокойно — тут стихия промахнулась. И в первой декаде июля не только в станицах, на краю бессонного хлебного поля, но и в кубанских городах — везде, где волновались и ждали ответа на главный вопрос дня, ответ был получен: большой хлеб на Кубани будет!

Началась жатва-80.

3

Цифры? На Кубани никого не удивишь высокими цифрами. Замышляя этот разговор, думал, что обойдусь без цифр. Но, видимо, несколько цифр напомнить все же надо. Кубань обязалась в завершающем году пятилетки произвести 9,5—10 миллионов тонн зерна. Хлеба государству обещано продать не менее 4 миллионов 360 тысяч тонн, причем весьма значительную часть зерна составит сильная и ценная пшеница. Как и в прошлом году, кубанцы уберут хлеб за 7—9 календарных дней. В жатву вступили 520 уборочно-транспортных комплексов. И еще одна, последняя цифра: 38 центнеров с каждого гектара — на такой рубеж нацелилась в нынешнем году Кубань. Это в среднем. Многие хозяйства обещают взять зерна чуть ли не в полтора-два раза больше.

Истинный, природный землепашец преисполнен достоинства, но скромен. Спросишь: «Сколько даст это поле?» Ответит: «Контрольный обмолот покажет».

Цифры обязательств высокие, выразительные. И не наугад, не с потолка они взяты — подкреплены и полностью обеспечены золотым запасом ежедневного самоотверженного труда сотен тысяч людей.

В этом году в июне на Кубани было проведено Всесоюзное предуборочное совещание. Рапортуя о своих задумках и новшествах, показывая гостям из всех республик страны свое хозяйство, Кубань не только учила других, но и училась сама.

4

Велика цена нынешней жатвы. Думается, не стоит говорить, в какой год, в какое время гудит она тысячами моторов. Позади — волнующие дни 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Впереди, как маяк,— XXVI съезд нашей партии. И с высоты жатвы каждый ее боец и труженик меряет свои достижения самой строгой меркой. С этой высоты настоящий хозяин земли глядит в будущее. Нынешний урожай, он наш, уберем сполна. Самое время теперь закладывать основу хлеба 81-го года.

Вот что ответил один из кубанских бригадиров, когда поинтересовались, почему он в разгар уборки чаще бывает не там, где жнут, а там, где пашут, то есть поднимают полупар: «Там, где жнут, сработано,— сказал он.— В самый раз о севе думать». Для него сейчас главное, чтобы на будущее задел был.

Вот так: главное, чтоб задел был. Пустить вслед за комбайном не освобожденное от соломы поле лущильники и плуги — это задел трудовой. Он подкрепляется заделом моральным — подавленное настроение ниву угнетает, улыбки на лицах хлеб растят.

Кубань улыбается — пока скупо, сдержанно: еще не вся пшеничка обмолочена. Но скоро, скоро в хлебной степи от улыбок будет светлым светло в самый серый день...

5

Каждая жатва рождает тысячи и тысячи героев. Это не для красного словца сказано. Здесь нет преувеличения. Не единицы, не десятки — тысячи имен следует занести в Книгу славы и почета.

Герои жатвы, именитые и безвестные,— все достойны доброго слова. Упомянуть 5—10 фамилий — обидеть сотни и сотни других. Не лучше ли, никого не выделяя, похвальное, доброе слово сказать обо всех вместе! В свое время Родина отметит лучших из лучших. Сейчас же, под палящим солнцем, в дымном поле жатвы-80 все они равны. Все, от бывалого комбайнера до паренька-старшеклассника, от шофера до станичного культармейца, причастны к большому хлебу.

Доброе слово — в нашем деле одно из главных подспорий. Не надо жалеть вдохновляющего слова, когда речь идет о самоотверженном труде. Когда добро на добро умножается, расцветают сады на земле. На добром слове мир стоит. На добром слове да на хлебе.

«Есть хлеб — будет и песня...»

Песня будет!

...Жатва на Кубани подходит к концу. «Обеспечено!» — говорит Кубань и передает эстафету жатвы соседу — Дону, Поволжью и дальше — целинному Казахстану. Мы сработали. Очередь за вами. Сработаете лучше — честь вам и хвала!

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ПЯТИЛЕТКА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Евгений АНТОНОВ,
слесарь-инструментальщик завода топливной аппаратуры ярославского объединения «Дизельаппаратура»

Пять лет в жизни человека — срок, конечно, немалый. Особенно когда тебе под сорок. Трудно, правда, выделить пять лет из общего течения жизни, где, с одной стороны, все взаимосвязано, а с другой — имеет особенную, событийную хронологию. Неизбежны здесь и сомнения: так ли уж интересна другим твоя жизнь? Масштабны ли обобщения на примере одной судьбы? И все же, мне кажется, жизнь каждого человека по-своему примечательна. Ведь это крупинка в той глыбе, которую мы называем страной, народом. И в ней по-своему отражаются происходящие события и процессы.

Окидывая взглядом годы, прошедшие со времени XXV съезда КПСС, я удивляюсь: сколько же всего произошло и в моей личной жизни и на заводе, где я работаю! А как изменился родной город! И стараюсь найти главные, определяющие вехи. Чувствую, трудно разграничить события на, так сказать, житейские и производственные. Может быть, потому, что вся моя жизнь связана с этим заводом, с городом, в котором я живу! На заводе познакомился с женой,— она и сейчас работает контролером в ОТК, в цехе рядом со мной мои давние друзья. Все, что происходит в коллективе, касается нас самым непосредственным образом. Это наша жизнь. Выходит, рассказывая о родном предприятии, я тем самым рассказываю о себе, о своих друзьях. Рассказывая же о себе, некоторым образом рассказываю о заводе, о Ярославле.

Родился я в Ярославле в 1942 году. Войну, естественно, не помню, а вот трудную послевоенную жизнь — как поднимались из разрухи — помню прекрасно. Можно сказать, послевоенный период во многом сформировал нас, людей теперешнего среднего поколения. Мы имеем возможность сравнивать, как жили раньше и как живут теперь. Поэтому нередко спорим с иными максималистски настроенными молодыми людьми. Я, например, всегда говорю таким: «Ну, а ты сам? На своем-то рабочем месте все делаешь для того, чтобы у нас было материальное изобилие? Как считаешь, заслужил его своим трудом?» Не знаю, может, я и не прав, но мне кажется, уж если человек рассуждает о недостатках, значит, он должен задавать себе вопрос: «А что делаю я, чтобы их исправить?» Мы, люди среднего поколения, свидетели и участники грандиозного поступательного движения страны. Нам ничего не преподносили на блюдечке. Трудности страны были нашими трудностями, и мы помогали преодолевать их своим трудом. Так что, говоря о сегодняшнем дне, я не могу не вспомнить, что было раньше...

После школы поступил в железнодорожное училище, выучился на слесаря. Потом служил в армии. Там стал коммунистом. В 1966 году пришел на ярославский завод топливной аппаратуры и с тех пор работаю все в том же инструментальном цехе. Кое-что тогда, после армии, конечно, подзабыл, пришлось учиться по ходу дела. Работу свою люблю. Инструментальный цех — производство творческое. Берешь у конструктора чертежи и знаешь, что никто еще эту деталь не делал. Ты первый. Как ее изготовить, каким инструментом, как это сделать лучше и эффективнее, решаешь сам. Иногда вдруг придет совершенно неожиданная мысль — посоветуешься с ребятами, потом все идем к инженерам, конструкторам. Вместе думаем. Так что нет в нашей работе однообразия. Более того, судя по одному тому, как за последние годы усложнились детали, которые мы делаем, чувствуешь, как совершенствуются наши промышленность и техника, какие теперь решаются уникальные задачи. И очень приятно ощущать себя причастным к этому движению вперед...

Мне думается, не каждый может стать слесарем-инструментальщиком. Без таланта тут — никак. И без терпения тоже. Несколько лет пройдет, прежде чем обретешь необходимую квалификацию, войдешь во вкус дела, освоишься с инструментом. Это на сборке все у всех под рукой. У нас далеко не так. Иногда, прежде чем нужный инструмент подберешь, погуляешь по цеху, поспрашиваешь: не хватает на всех редкого инструмента. И бывает, что время идет, а работа стоит. Заработок, значит, тоже стоит. Поэтому некоторые молодые предпочитают уйти на сборку.

Теперешний наш технологический потенциал с прежним, конечно, не сравнить. Вспоминаю, как сам начинал. Лет пять прошло, прежде чем окончательно освоился. А нынешние новички этот путь проходят за год-два. Хотя им приходится начинать с заданий не в пример сложнее тех, с которых начинали мы. В чем тут дело? На мой взгляд, качественно изменились за последнее время и труд и рабочий. Сложнее стали станки. Однако выросла и изначальная подготовка молодого рабочего. И коллектив стал теперь более динамичным, творческим. Для способного, энергичного человека на производстве ныне созданы прекрасные условия — твори, дерзай!

В сентябре нашему заводу исполняется пятьдесят лет. Мы идем к этой дате с хорошими результатами. В движении за коммунистический труд участвуют примерно девяносто процентов рабочих. В том, что были созданы условия для такого вот профессионального и нравственного подъема всего нашего коллектива, видится мне один из главных итогов прошедшего пятилетия.

Чем же еще запомнились минувшие годы?

Моя семья переехала в новую квартиру: получили от завода трехкомнатную на четверых. Раньше занимали однокомнатную совсем близко от завода. Теперь живем подальше — в новом микрорайоне Брагино. Едешь в автобусе, смотришь по сторонам и радуешься: как вырос за последние годы город! Сколько появилось новых жилых кварталов! Мальчишкой, помню, бегал вот на этих пустырях, а сейчас тут красивые многоэтажные дома стоят. Взять хотя бы наше предприятие. Только за годы этой, еще не закончившейся пятилетки улучшились жилищные условия уже у полутора тысяч рабочих. А сколько построено яслей, детских садов, санаториев, пансионатов. Это все приметы минувших лет. Растет предприятие — растет уровень жизни работающих на нем людей. А наш, например, завод растет не только в буквальном смысле — появились новые корпуса, цехи, освоена новая технология,— но и качественно тоже растет. Судите сами. В сентябре 1977 года заводу было присвоено звание «Предприятие высокой культуры производства». В ноябре 1978-го он стал головным заводом объединения «Дизельаппаратура». В мае прошлого года — головным предприятием отрасли по проектированию, модернизации, разработке методов технического обслуживания и ремонта всех видов топливных систем. Создан единый конструкторский центр с лабораториями и исследовательской базой. Уже в этом году предстоит завершить проектные работы по топливной аппаратуре для новых двигателей автомобилей КАЗ и УралАЗ, изготовить опытные образцы для двигателей Камского автозавода, дать первую промышленную партию аппаратуры для самосвалов БелАЗа. Задачи, что и говорить, большие. И нам, инструментальщикам, здесь отводится не последняя роль. Скоро переезжаем в новый цех.

В позапрошлом году многие наши слесари, в том числе и я, сдали на высший, шестой разряд. Вспомнил тогда добрым словом своего наставника Георгия Ивановича Нефедова: вроде уже и сам знаешь, что к чему, а нет-нет да

После июньского Пленума ЦК КПСС, на котором было принято постановление о созыве очередного XXVI съезда КПСС в феврале будущего года, огоньковская почта приобрела интересную особенность. В редакцию приходит много писем, где люди делятся своими думами, заботами, соотносят события, происшедшие в их личной жизни за последние годы, с делами трудовых коллективов своих предприятий, родных городов.

Дорогие читатели! Мы приглашаем вас продолжить разговор, начатый сегодня слесарем-инструментальщиком из Ярославля Евгением Антоновым. Расскажите, что произошло за годы десятой пятилетки в вашей жизни, в жизни вашего трудового коллектива, предприятия, родного города. Самые интересные письма будут опубликованы на страницах журнала. Это составит своеобразную летопись нашей жизни за истекшие со времени последнего съезда КПСС годы.

и подойдешь к нему посоветоваться... Высший разряд тоже, безусловно, важное событие в жизни. Повысился заработок. Сейчас выходит примерно двести пятьдесят в месяц. Вообще чувство такое, что на ногах стою крепко. И хочется соотнести эту свою уверенность и с родным заводом и с родным городом. Вроде прослеживается взаимосвязь. Вместе движемся вперед, нога в ногу шагаем...

Чем же еще прошедшие годы для меня примечательны?

Подросли дети. Дочке, Наташе, семнадцать. Оканчивает кулинарное училище. Будет поступать в техникум. Сын, Максим, пойдет в шестой класс. Жена говорит, что сейчас время не о себе, а о детях думать. Как они будут жить? Дочка-то уже, можно сказать, определилась, а сын вот недавно удивил. Сидел-сидел, задумавшись, и вдруг заявляет: «А я комбайнером буду! В колхоз поеду!» Он у меня упрямый. Может, в самом деле пойдет в комбайнеры? Что ж, в сельском хозяйстве люди сейчас как никогда нужны.

Короче говоря, в эти годы была жизнь как жизнь. Радости были, печали были. И это здорово, что радостей было больше!

Во время отпусков да и просто в выходные вместе с друзьями: Арсением Белешовым — он в соседнем цехе токарем работает, Александром Смирновым, мастером из инструментального, едем на моторке по Волге. Километров на сорок отъезжаем, палатки разбиваем, ловим рыбу. Отдыхаем, в общем.

Говорим на отдыхе о разном. В том числе и о книгах. Я, например, Достоевского люблю. Однако собрания сочинений его не имею. Мало дают на завод подписных изданий. Трудно сейчас с книгами. А читать все любят. Вот и бегает хорошая книга по людям, как часовая стрелка. Но ведь, бывает, книгу и перечитать захочется...

О работе говорим, о жизни. Радуемся, например, что строят при заводе свинокомплекс. А кое-что поругиваем. Столовую заводскую, скажем. Внедрили там конвейерный метод, «Эффект» называется. Только эффект получился не тот, какого ждали. Люди в очереди стоят, а перед ними пустая конвейерная лента ползет. Оказывается, труд при этом так организовали, что не успевали на ленту тарелки с едой ставить. К счастью, «Эффекта» упразднили...

О родном городе говорим. Радуемся, что наконец-то взялись за реставрацию старинных памятников архитектуры. Раньше в тех зданиях склады были. Теперь музеи. Это очень хорошо.

В общем, о разном говорим... Обстановка международная, все знают, сейчас сложная. У политики разрядки, которую проводит наше государство, недругов хватает. И мы прекрасно понимаем — страна должна быть сильной и в политике и в экономике. А это во многом зависит и от нас, рабочих.

Не помню, где я эту фразу слышал: «Учиться у жизни...» Мне она понравилась. И я бы рискнул както соотнести ее с прошедшими годами. Учиться у жизни — значит правильно отвечать на вопросы, которые она ставит. Понимать ее закономерности. Чувствовать новое, что носится в воздухе. И наконец, делать эту жизнь лучше!



ОПАСНЫМ КУРСОМ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Юрий КОРНИЛОВ

Вьетнамское информационное агентство ВИА сообщает: только в июне Пекин организовал и осуществил около 200 вооруженных акций на вьетнамо-китайской границе. А в то время, как китайская военщина совершала разбойничьи налеты на мирные вьетнамские села, а самолеты китайских ВВС нагло вторгались в воздушное пространство СРВ, в Таиланде, близ границ другого суверенного азиатского государства — Кампучии, шла лихорадочная подготовка к переброске на кампучийскую территорию контрреволюционных полпотовских банд. И эта агрессивная операция готовилась при поддержке Пекина, с его благословения...

Непрекращающиеся провокации против Вьетнама и Кампучии вновь и вновь подтверждают откровенно гегемонистскую суть и опасную агрессивную направленность пекинской внешней политики. Выступая в качестве ударной силы мировой реакции, прямо противостоящей революционным движениям современности, Пекин не только продолжает, но и активизирует ожесточенные атаки на дело разрядки, нагнетает напряженность, стремится создавать очаги конфликтов, сеять вражду и ненависть между народами.

Известно, какой широкий позитивный резонанс получили среди международной общественности миролюбивые, конструктивные инициативы стран социалистического содружества, выдвинутые на совещании ПКК в Варшаве, новые идеи и предложения, внесенные Советским Союзом в ходе недавних советско-западногерманских переговоров в верхах. Эти инициативы и предложения, призванные отстоять мир, упрочить безопасность народов, приветствуются и одобряются в столицах большинства стран мира, но только не в Пекине. Китайские правители, следуя своему поджигательскому курсу, сегодня, как и вчера, с порога отвергают любые меры, ставящие целью оздоровление политического климата, обуздание гонки вооружений, укрепление доверия и добрососедства между народами и государствами. Они открыто подстрекают правящие круги Запада к сколачиванию некоего «единого фронта» против СССР, провоцируют военное столкновение двух мировых общественных систем.

В последний период времени в политике Пекина, который открыто перешел на сторону империализма, отчетливо просматривается линия на сближение с Западом, прежде всего с США и Японией, на враждебной делу социализма и мира основе. Именно достижение этой цели преследовали состоявшиеся в мае — июне визиты премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна в Японию и заместителя премьера Гэн Бяо в США, недавняя встреча Хуа Гофэна и президента США Дж. Картера в Токио, контакты между представителями китайской армии и милитаристских кругов Японии и ФРГ. Ныне пекинская верхушка непосредственно участвует в осуществлении империалистических агрессивных планов борьбы против социализма, национальной независимости, демократии и всеобщего мира. Разве не об этом свидетельствует агрессия Пекина против социалистического Вьетнама, его враждебные действия против Кубы, МНР, Лаоса? Разве не об этом говорит тот факт, что Пекин, действуя заодно с США, активно участвует в «необъявленной войне», развязанной империализмом и реакцией против революционного демократического Афганистана?

Взяв курс на блокирование с империализмом, пекинская верхушка рассчитывает и на то, что ей удастся расширить военное «сотрудничество» с западными державами, получить широкий доступ к военным арсеналам США и НАТО и таким путем подвести военно-экономическую базу под собственные великодержавные планы, ускорить выполнение провозглашенной в Китае программы «четырех модернизаций», стержень которой — превращение Китая к концу века в военную сверхдержаву, способную диктовать свою волю другим народам.

Причины, в силу которых Пекин идет на сближение с империализмом, ясны, но чем же руководствуются США, делая встречные шаги? Вашингтон, блефуя «китайской картой», стремится подключить пекинских гегемонистов к глобальным стратегическим планам США, направленным на возрождение империалистической политики «большой дубинки», на слом сложившегося на международной арене военно-стратегического равновесия. Имея в виду грубо антисоветскую направленность китайской внешней политики, он рассматривает сближение с Китаем как шаг в координации агрессивных планов, нацеленных против социалистического содружества. При всех этих расчетах упускается, однако, из виду одно: Пекин, выступающий в роли младшего партнера империализма, действует в своекорыстных политических интересах, рассчитывая с помощью Запада проложить путь к реализации собственных гегемонистских замыслов. «Когда мы сочтем, что время наступило, мы скажем дяде Сэму: «Будь добр, упаковывай свои вещички»,— заявлял в свое время тот самый Гэн Бяо, который недавно, будучи в США, распинался в «дружеских чувствах» к Вашингтону. Надо ли доказывать, сколь недальновидны расчеты тех кругов Запада, которые все еще надеются разыграть «китайскую карту» в собственных интересах и за счет интересов других!

Сближение Пекина с Западом, его совместные и скоординированные с империалистическими державами действия ведут к нагнетанию напряженности, дестабилизации положения в различных регионах мира, прежде всего в Азии. «Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе — для американского и китайского народов»,— подчеркивается в Постановлении июньского Пленума ЦК КПСС.

Что касается Советского Союза, то его позиция ясна и неизменна: наша страна твердо отстаивает дело мира, международной безопасности, добрососедские отношения со всеми странами, в том числе и с КНР. Вместе с тем СССР вновь и вновь подчеркивает, что любые попытки оказать на него нажим, угрожать ему созданием всякого рода антисоветских «осей», «треугольников» и «альянсов» — дело абсолютно бессмысленное и бесперспективное. У нашей страны есть все необходимое, чтобы дать отпор любым агрессивным поползновениям империалистических и реакционных сил, какую бы карту — китайскую или какую-либо иную — они ни разыгрывали.





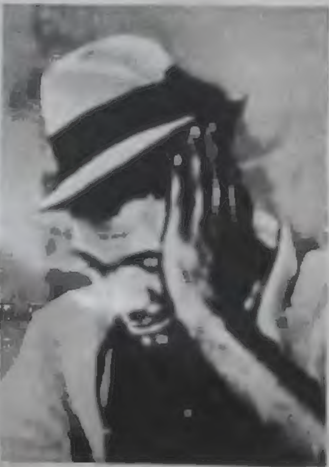
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

ЭТОТ «СВОБОДНЫЙ МИР»









А. СОКОЛОВ

Фильм «Этот свободный мир», созданный на Центральной студии документальных фильмов режиссером Леонидом Махначем и оператором Василием Киселевым по сценарию Леонида Замятина и Леонида Махнача,— это яркий рассказ именно о том, что происходит за фасадом капитализма.

Фильм о том, как у сотен миллионов людей в странах капитала крали и продолжают красть истинную свободу — свободу гражданскую и политическую, свободу самому выбирать себе место в жизни. О том, что от прихоти власть имущих зависят нравственное состояние и физическое здоровье человека, его работа или отсутствие таковой, условия жизни.

Совершенствуется производственная и строительная технология, появляются новые материалы, и поднимаются ввысь, растут, как грибы, современные здания, одно совершеннее другого, сверкают они на солнце разноцветными стеклянными, пластиновыми и стальными гранями. Но точно так же, как и много лет назад, гонит ветер обрывки газетной бумаги по мостовым Гарлема, мимо выщербленных кирпичных стен и полуподвальных окон без стекол, за которыми тоже живут люди. Живут? Жалкая насмешка над словом… В глазах сидящего на тротуаре негра нет никакого выражения. Бессмысленный стеклянный взгляд. Даже для отчаяния, последнего из человеческих чувств, уже не осталось сил. А ведь он родился в обществе «равных возможностей», «равным среди равных», в стране, где, как гласит реклама, «чистильщик обуви может стать миллионером». Ну что же ты! Встань, встряхнись, иди чистить обувь и заработай полагающиеся тебе миллионы. Но, может быть, ты ленив и оттого все твои беды? И миллионы подобных тебе безработных — они что, тоже ленивы?

— Я хочу работать, я в состоянии работать, я люблю работу,— говорит перед кинокамерой молодая женщина,— но я оказалась не настолько счастливой, чтобы ее получить.

Она, эта женщина, еще надеется на то, что когда-нибудь сможет найти работу. Может быть, надеются и те безработные, что сидят около Белого дома, дома, в котором обосновался президент, обещавший им «обуздать безработицу».

Но те, чью волю не удалось сломить самой тяжелой нуждой, проходят по улицам в колоннах демонстрантов, требующих, нет, не манны небесной, а всего-навсего сносных условий для жизни в обществе, правительство которого не устает повторять, что превыше всего оно ставит права человека вообще и своих граждан в частности. Именно о них, несломленных, стихи негритянского поэта-безработного Антара Мберн. Он читает их нам с экрана:

…Полноводные реки
человеческого достоинства;
Реки, влагой которых
я упиваюсь
Днем и ночью, зимой и весной…

Человеческое достоинство… Простые слова. Но за ними — напряжение классовой борьбы, несгибаемая воля людей, которых не удастся ни запугать, ни купить. Их можно убить, как убили Мартина Лютера Кинга, их можно в буквальном смысле заковать в цепи, как это сделали с Бенджамином Чейвисом, но победить их нельзя. На их стороне миллионы людей во многих странах мира. Это сила, с которой уже нельзя не считаться.

— Причина того, что я сегодня вообще жив,— говорит Бен Чейвис, которого власти США «условно освободили»,— заключается в том, что вы все были упорны в этой

На снимках — кадры из фильма:

Смерть у дверей аптеки.
Полицейский тир.
Маленькие обитатели Гарлема.
Новые «коричневые» в Западной Германии.
Одна из американских тюрем.
Отчаяние.



Слова не действуют —
есть ПЕНТАГОНный кнут,
Чтоб загонять «союзников»
в хомут.

Дм. Демин

Рисунок КУКРЫНИКСОВ

борьбе. Несмотря на то, что судья осудил нас в общей сложности на 282 года...

А как же свобода? Где она? Для кого? Для распоясавшихся полицейских, избивающих демонстрантов в Америке, Англии, Чили. Разная униформа, разные знаки различия в полицейских петлицах, но одинаковы дубинки и наручники. Все тот же слезоточивый газ, изготовленный по единому рецепту. И все те же удары, удары, удары... Дубинкой, кулаком, кованым ботинком. Кажется, что полиция всего мира вместилась в один, небольшой по размерам киноэкран. Миллионы ударов слились в один, и один многоголосый крик боли и гнева звучит над планетой, заглушая свист и завывания десятков тысяч полицейских сирен.

...Но если ты из тех жителей Запада, которых не интересуют судьбы своих обездоленных сограждан, — спи спокойно. Ведь ты не участвовал сегодня в демонстрации? Вот и хорошо! Не думай об этом, к твоим услугам «шоу бизнес», огромное количество развлечений, они как раз предназначены для того, чтобы развеять тяжелые мысли, развеять мысли вообще. А хочешь — можешь стать на некоторое время политическим деятелем. Как? Очень просто. Приходи в Гайд-парк и говори. Что говорить? Да все, что хочешь. Можно и трибуну с собой притащить, если не лень, и громкоговорители и наслаждаться своим ораторским искусством в обществе таких же «пикейных жилетов»...

Нет, это не кинохроника 30-х годов, это кадры наших дней — марширующие под свастикой молодчики. Они не только собираются на свои митинги и новые пивные путчи, они учатся убивать. Вот такие, как эти, из организации «Военный спорт». На них мундиры и каски вермахта и СС, в руках — боевое оружие. Организация существовала открыто, на глазах у всех, в Западной Германии. Ее «воспитанники» уже не раз бывали «в деле». Именно из них вербуют наемников. И посылают карать, взрывать, поджигать. В Африку, в Иран, в Афганистан. Их нанимают, когда надо устранить, отомстить... Им диктуют свою волю и свои условия. И, конечно, платят...

Чудовищным издевательством над памятью людей, отдавших жизни за то, чтобы не было войн, выглядят устремленные в небо ракеты и антенны мощных радиолокационных станций, готовые к старту сверхсовременные боевые самолеты и постоянно несущие свою космическую вахту спутники-шпионы. Это тоже «свобода». Свобода распоряжаться жизнью теперь уже миллиардов людей в угоду своекорыстным интересам, имя главного из которых — деньги.

Тревожные эти кинокадры... Слишком тревожные для того, чтобы стать привычными. Над теми, кто готовит новый крестовый поход — в первую очередь против социализма, — развевается обветшавшее знамя с начертанными на нем словами «Советская военная угроза». И это «свобода». Свобода фальсифицировать историю, передергивать факты.

Фильм советских кинодокументалистов призывает к бдительности, учит отличать внешние проявления и щедрые посулы от внутренней сущности мира капитала, мира, где пользуются властью от имени народа — против народа, беззаконие творят именем закона, где создают идолов и отвергают идеалы, где, по выражению Ленина, «демократия — формальный парламентаризм, а на деле — беспрерывное жестокое издевательство, бездушный, невыносимый гнет буржуазии над трудовым народом».

МОСКВА ОЛИМПИЙСКАЯ



В. Г. СМИРНОВ, первый заместитель председателя Оргкомитета «Олимпиада-80»

19 июля в Москве на Центральном стадионе имени В. И. Ленина торжественно открываются XXII Олимпийские игры. Наш корреспондент В. ВИКТОРОВ попросил первого заместителя председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» Виталия Георгиевича СМИРНОВА ответить в связи с этим на несколько вопросов.

— Итак, Виталий Георгиевич, позади пять лет напряженных усилий многих тысяч советских людей. Олимпиада в Москве — это уже не планы на будущее, а непреложный сегодняшний факт. В связи с этим хочется напомнить вам слова, которыми вы заключили опубликованную в нашем журнале статью «Олимпиады вчера, сегодня, завтра» в одном из июньских номеров 1976 года, перед открытием XXI Олимпийских игр в Монреале. Вот эти слова:

«В своем выступлении на Хельсинкском совещании Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил, что суть дела в материализации разрядки, в этом суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и незыблемым. В осуществлении этой благородной задачи видит свою цель все, кто занят подготовкой Московской Олимпиады».

— Не считаете ли вы, Виталий Георгиевич, что этими словами вы могли бы начать и сегодняшнее интервью?

— Да, действительно, наша цель остается той же — сделать мир для советских людей прочным и незыблемым. Эта задача теперь, после всех маневров и выпадов врагов разрядки, врагов Олимпийских игр, еще более актуальна. И тот факт, что Игры XXII Олимпиады, несмотря на все попытки сорвать их, состоятся в Москве, состоятся впервые в столице социалистического государства, говорит о том, что дело мира сорвать невозможно.

— Таким образом, Виталий Георгиевич, можно считать, что первая победа на XXII Олимпиаде была одержана еще до ее открытия? Ведь победили сторонники олимпийского движения, а не его противники.

— Это так, хотя противники Олимпийских игр не пожалели сил, чтоб добиться своей цели. Вся олимпийская общественность — Международный олимпийский комитет, подавляющее число национальных олимпийских комитетов, известные спортсмены самых разных стран дали резкий отпор попыткам сделать спорт орудием политики, использовать его для своих неблаговидных целей.

Олимпийское движение приобрело за послевоенные годы могучую силу, ведь в него включились социалистические страны, многие страны Африки, Азии и Латинской Америки. Вот характерный факт: только за четыре года, отделяющие нас от Монреальской Олимпиады, в орбиту олимпийского движения вошли еще четырнадцать стран, в том числе такие, как Лаос, Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Мавритания и т. д.

Трудно сейчас представить олимпийское движение без стран Африки и Азии. Олимпиады теперь доступны всем спортсменам независимо от цвета их кожи, вероисповедания или социального положения. А ведь на Олимпиаде 1904 года, которая проводилась в американском городе Сент-Луисе, негры, индейцы, филиппинцы должны были состязаться в три так называемых «антропологических» дня.

Да, в безвозвратное прошлое отошли эти времена. Я думаю, что не за горами то время, когда очередные Олимпиады будут проходить в столицах африканских стран. Мощи и демократизма современного олимпийского движения не учли те, кто пытался сорвать Олимпийские игры в Москве. Причем надо отметить, что эти попытки начались задолго до того, как американская администрация в качестве предлога стала использовать так называемый «афганский вопрос». Еще в 1974 году в ряде буржуазных газет и в других различных органах массовой информации появились утверждения, что Московская Олимпиада обречена на провал, что нам не справиться со строительством олимпийских сооружений. Затем появились новые призывы бойкотировать ее — потому, мол, что мы не допустим на Игры спортсменов некоторых стран и тем самым нарушим данные гарантии. Эти попытки сорвать Московскую Олимпиаду продолжались и дальше.

— Как, по-вашему, будет развиваться история Олимпийских игр?

— Я убежден, что олимпийское движение, которое и в нынешних сложных международных условиях сохранило свой благородный дух, основанный на доброй воле и дружбе между народами, будет крепнуть и развиваться. Нет никакого сомнения, что попытки использовать спорт как политическую карту будут отвергнуты народами. Я убежден в этом, потому что и сегодня Международный олимпийский комитет, международные спортивные федерации, национальные олимпийские комитеты твердо поддержали не противников олимпийского движения, а его сторонников.

Что говорить, против Московской Олимпиады были брошены мощные силы, которые использовали все — и угрозы, и шантаж, и подкуп. Особая ставка делалась на решение НОК ФРГ. Предполагалось, что большинство стран Западной Европы последуют примеру ФРГ. Однако мы знаем, что еще только три европейские страны — Норвегия, Лихтенштейн и Монако не прислали своих заявок на участие в Играх.

— Как восприняли советские спортсмены отказ от участия в Олимпийских играх спортсменов США, ФРГ, Японии, Канады?

— С глубоким сожалением. Они понимают, какой трагедией для спортсменов этих стран был запрет приехать в Москву. Ведь они готовились к этой поездке долгие четыре года, потратили немало сил и возлагали большие надежды на свои выступления. И вот по воле своих правительств все они остались за бортом. Это отразится самым печальным образом на целом поколении выдающихся спортсменов, но никак не скажется на успехах Московской Олимпиады. К нам приехали сильнейшие спортсмены мира, и Олимпиада, конечно же, пройдет на самом высоком спортивном уровне.

— В чем коренное отличие подготовки XXII Олимпиады от подготовки хотя бы Игр монреальских?

— Главное в разнице систем двух стран. Канада — страна капиталистическая, СССР — социалистическая. Известно, что подготовка к Олимпийским играм в Монреале проходила в сложной обстановке из-за забастовок и несостоятельности некоторых строительных фирм. До последнего дня готовность сооружений к началу Игр вызывала опасения. Московская Олимпиада готовилась планомерно, последовательно, и ее строители ощущали повседневное внимание Советского правительства, поддержку ведомств и министерств. Четко и вовремя выполнены все обязательства, построены и реконструированы 97 олимпийских объектов, в том числе 26 спортивных сооружений, среди которых немало уникальных, впервые осуществленных в отечественной и мировой практике. Последовательно и неукоснительно соблюдались все правила Олимпийской хартии и гарантии, данные Президиумом Верховного Совета СССР в связи с приглашением Олимпийских игр в Москву.

И вот теперь, в канун открытия Олимпиады, окидывая взглядом то, что сделали наши строители, все те, кто готовил Олимпиаду, для того, чтобы Игры прошли на самом высоком уровне, можно сказать, что они поработали на славу. Да и как это могло быть иначе в нашей стране!

То, что построено, останется навеки, и наша столица и другие города, в которых пройдут соревнования — Таллин, Киев, Минск, Ленинград, обогатились рядом уникальных спортивных сооружений, в которых будут заниматься физической культурой советские люди.

— С какими пожеланиями вы хотели бы обратиться к нашим любителям спорта, к хозяевам Олимпиады?

— Дорогие друзья, нам предстоит увидеть выдающиеся соревнования по 21 виду спорта, так давайте же радоваться успехам и победам всех тех, кому удастся вписать свои имена в летопись славных олимпийских побед.

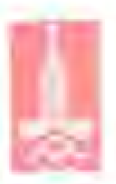
— Что вы хотели бы пожелать всем участникам Олимпиады-80?

— Прежде всего того, чем я закончил свой предыдущий ответ: самых больших успехов, выдающихся побед.

И пусть Москва, советская земля станут им близкими навсегда.

Большая спортивная арена * Гостиничный комплекс в Измайлове. Фото И. ТУНКЕЛЯ





СЕКРЕТЫ олимпийских побед

Виктор САНЕЕВ,
заслуженный мастер спорта



Фото А. Бочинина

Вот и пришла на нашу землю Олимпиада! Олимпиада, к которой мы готовились с того дня, когда Москва была избрана семнадцатой по счету олимпийской столицей, с 23 октября 1974 года. Но думаю, что не ошибусь, сказав, что мы ждали московскую Олимпиаду задолго до этого дня. Ее ждали те, кто в далеком 1952 году дебютировал на XV Играх в Хельсинки, утверждая в олимпийском мире славу советского спорта. Ее ждали спортсмены, одержавшие победы на стадионах Мельбурна, Рима, Токио, Мехико, Мюнхена и Монреаля. Олимпиаду в Москве ждали не только атлеты, но и вся многомиллионная армия советских физкультурников, поклонники, любители и знатоки спорта.

Теперь мы встречаем Олимпиаду в Москве! Весь народ Страны Советов ждал Олимпиаду, готовился к ней и многое сделал, чтобы XXII Игры прошли успешно. Да иначе и не могло быть!

В моей достаточно долгой спортивной жизни были сотни соревнований. Но над всеми, как горные вершины, высятся три Олимпиады, в которых мне посчастливилось принять участие...

Одиннадцать лет назад в журнале «Огонек» был напечатан очерк о лучшем спортсмене 1968 года. Это был я. Неужели с тех пор прошло столько лет? Как быстро летит время! Позже, став старше, я перестал собирать газетные и журнальные вырезки, где рассказывалось о моих выступлениях, но этот журнал храню до сих пор: в нем рассказ о моей первой олимпийской победе, в Мехико.

Это была трудная для наших легкоатлетов — и для всей советской олимпийской дружины — Олимпиада. Из легкоатлетической команды только Владимиру Голубничему, Янису Лусису и мне удалось стать олимпийскими чемпионами. Да и нам эта победа досталась в такой борьбе, что и сейчас, 12 лет спустя, трудно припомнить напряжение такого накала.

Судите сами. Лусис, сильнейший копьеметатель шестидесятых годов и безусловный фаворит Олимпиады, сумел добиться успеха только в последней попытке. Мне для победы пришлось улучшить личное достижение в тройном прыжке и дважды устанавливать мировые рекорды, причем последний — 17 метров 39 сантиметров — тоже в последней, решающей попытке. Но, пожалуй, самое трудное испытание выпало на долю Володи Голубничего. На финише изнурительного 20-километрового перехода в условиях жаркого высокогорного Мехико ему пришлось уходить от буквально бежавшего за ним мексиканца Педрасы. Педраса нарушал правила ходьбы, но какой судья решился бы его дисквалифицировать на глазах у заполненного темпераментными болельщиками стадиона? И какую волю к победе должен был проявить тогда Голубничий!

Для нас, дебютантов той Олимпиады, победа Голубничего имела особый высокий смысл. Он был не просто товарищем по сборной, но и представителем той поистине легендарной команды, которая в 1960 году в Риме одержала блистательную победу, завоевав 11 золотых олимпийских медалей. И, выступая в Мехико, ведя борьбу из последних сил, Голубничий не только звал нас, молодых, за собой, но и продолжал славные традиции своих сверстников-олимпийцев. Другому представителю той же команды, прославленному бегуну Петру Болотникову, недавно отпраздновавшему 50-летие, теперь была доверена высокая честь стать первым советским факелоносцем олимпийского огня. Да, не рвется незримая связь поколений.

Нам свойственно особое чувство коллективизма, чувство команды (хотя состязания легкоатлетов носят сугубо личный характер), и можете мне поверить, что моя радость и гордость, как радость и гордость моих товарищей, тех, кому посчастливилось завоевать в Мехико олимпийские награды, были все же неполными: ведь команда наша выступила тогда неудачно. И похожее чувство я испытал и после монреальской Олимпиады, хотя мне в третий раз удалось завоевать на ней титул олимпийского чемпиона. На этот раз легкоатлетам СССР пришлось уступить по числу медалей спортсменам США и нашим друзьям из ГДР, которые в последние годы стали грозной силой в мировом легкоатлетическом спорте. И, может быть, для того, чтобы поддержать моих молодых товарищей, я отложил на четыре года свой уход из спорта и сразу начал подготовку к московской Олимпиаде, где — я в это твердо верю — нашей команде будет под силу повторить успех двадцатилетней давности.

Говоря о нашем возможном успехе, я вовсе не имею в виду фактор «родных стен», который играет не столь большую роль в яростном накале олимпийских сражений, где бы они ни проводились — в Европе, Азии, Австралии или Америке. Не жду я ослабления этого накала и за счет того, что некоторые сильнейшие атлеты не смогут приехать в Москву из-за абсурдной позиции своих правительств. Лучшим свидетельством этого является бурный водопад мировых рекордов, установленных в первые же месяцы олимпийского сезона,— большинство их обладателей выступят в Москве.

Я жду успеха потому, что сейчас, как и два года назад в Праге на чемпионате Европы по легкой атлетике, где нам удалось добиться большого успеха, мы имеем команду, в которой опыт ветеранов счастливо сочетается с дерзкой молодостью, команду, которая буквально горит жаждой победы.

За годы моей долгой спортивной жизни не раз приходилось слышать вопрос: «Что вам помогает побеждать?» В таких случаях я вспоминал Санеева «образца 1968 года». С тех пор я стал старше, опытнее. Наверное, изменились за это время некоторые суждения, вкусы, привычки, но меня по-прежнему роднит с тем Санеевым жажда победы. Ее не притупили ни тысячи тренировок, ни сотни соревнований, ни успехи, ни травмы, ни поражения.

До сих пор помню свое первое выступление на Всесоюзной спартакиаде школьников в Волгограде в 1963 году. Я, совсем еще новичок в спорте, занял тогда третье место в тройном прыжке. Сейчас я понимаю, какой это был успех, а тогда... Тогда я плакал, стоя на третьей ступеньке пьедестала почета. Плакал оттого, что очень хотел быть первым.

Выходя на сектор для прыжков, я всегда готов был отдать все силы в борьбе за победу. Конечно, и мне случалось терпеть жестокие, а порой и обидные поражения, лишаться и титулов рекордсмена мира и чемпиона Европы, но я знал: я сделал все, что мог, и хоть сегодня другие были сильнее, завтра сильнее буду я.

Сейчас, когда пишу эти строки, еще неизвестно, смогу ли я взять свой четвертый олимпийский старт. Дают о себе знать и годы и старые травмы. Подросли молодые, сильные соперники, жаждущие олимпийской славы. Их много, моих наследников. Среди них чемпион Спартакиады Геннадий Валюкевич, молодые Яак Уудмяэ, Александр Лисичонок, Геннадий Ковтунов, Евгений Аникин, Александр Бескровный. И каждый может претендовать на место в сборной, где нас, прыгунов, может быть только трое. Но знаю твердо: если сумею пробиться в команду, то вовсе не для того, чтобы просто выступить на своей четвертой Олимпиаде.

Отрадно, что новое поколение советской сборной легкоатлети-

Железобетонный «краб». Крытый зал «Дружба» в Лужниках. Гостиница в Измайлове. Деталь фрески. Стадион «Динамо». Хоккей на траве. Велотрек в Крылатском.

ческой команды (а многие из ее участников в год моего олимпийского дебюта в Мехико еще только делали свои первые шаги в спорте) не только жаждет победы, но и уверено в своих силах. И нашим дебютантам есть с кого брать пример.

Я уже вспоминал о Янисе Лусисе, о его победе в Мехико. Лусис никак не мог поймать верное движение в броске копья. Только за несколько секунд до последней решающей попытки ему это удалось, и он спокойно выполнил бросок дважды — вначале прорепетировал все движения вплоть до замаха, не выпустив копья из руки, а затем снова разбежался и уже в привычном для себя стиле послал копье в победный полет на 90 метров 10 сантиметров. Поистине хрестоматийный пример воли, опыта, владения собой, а главное, уверенности в своих силах, в своем мастерстве.

Таким же ярким примером уверенности в себе явилось выступление Людмилы Брагиной на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году. Она прибыла в Мюнхен рекордсменкой мира в беге на 1500 метров и прекрасно понимала, что все соперницы будут строить свой бег по ее графику (ох, нелегкая это задача — быть фаворитом на Олимпиаде), но уверенность в своих силах дала возможность Брагиной совершить то, что не удавалось до нее ни одному олимпийцу в мире: три раза выходить на старт и каждый забег заканчивать установлением мирового рекорда.

Немалую роль в борьбе за победу играет умение атлета трезво взвесить возможности — и свои и соперников — и рационально распределить свои силы. Как это делается, показал двукратный олимпийский чемпион в спринтерском беге Валерий Борзов.

В течение целого десятилетия мне пришлось выступать рядом с этим блестящим мастером бега. И я всегда восхищался его способностью точно определить тот уровень усилий, который потребуется для достижения победы.

Я знаю, что многие считали Борзова этаким рационалистом, стремящимся добиться успеха с минимальной затратой сил. Я думаю, что так могут говорить только те, кто плохо знаком со спецификой спринтерского бега.

У спринтеров на Олимпиадах самая нелегкая доля. Если прыгуны и метатели проводят, по сути дела, два соревнования — квалификационные и основные, то у бегунов на короткие дистанции, как правило, четыре забега на 100 метров, столько же на 200-метровой дистанции, да еще три забега в эстафете 4 × 100 метров. Итого 11 стартов! И если при этом учесть, что плотность результатов в спринте всегда бывает чрезвычайно высокой, то можно представить себе, сколько сил и мастерства требуется от спортсмена, чтобы успешно выступить в таком «многокруговом» испытании.

На мюнхенской Олимпиаде именно такая нагрузка выпала на долю Борзова. Но большой мастер сумел так распределить силы, что, ни разу не пробежав дистанции в полную силу, он тем не менее 10 раз был на финише первым! Лишь в последнем, финальном забеге в эстафете 4 × 100 метров Валерий планировал, как он сам говорил, бег на сто процентов мощности, но десять предыдущих стартов (Борзов победил в беге на 100 и 200 метров) помешали ему выполнить эту задачу, и он принес эстафету вторым.

В сборной команде СССР были спортсмены, выступавшие в четырех и даже пяти Олимпиадах. Валерий Борзов участвовал в двух и сумел собрать самую большую коллекцию олимпийских наград — 2 золотые, 1 серебряную и 2 бронзовые медали.

Я уже говорил, что в Москве выступит команда, в которой будет много талантливой молодежи. Но, несмотря на молодость, эти атлеты уже имеют немалый опыт участия в самых разных состязаниях. Теперь важно использовать этот опыт в стрессовой обстановке олимпийских стартов. Такое умение — тоже один из секретов борьбы за победу. Вспомните, как виртуозно меняла тактику олимпийская чемпионка Татьяна Казанкина на Играх в Монреале, где она завоевала две золотые медали на дистанциях 800 и 1500 метров. В 1976 году Таня была дебютанткой Олимпийских игр, а в канун московской Олимпиады Татьяна Казанкина установила новый мировой рекорд в беге на 1500 метров

За долгие 12 лет мне удалось трижды выигрывать Олимпиады. Но как несхожи были эти победы. В Мехико успех принес мировой рекорд в последней попытке. В Мюнхене победным стал уже первый прыжок на 17 метров 35 сантиметров (этот прыжок был своеобразной «домашней заготовкой», рассчитанной на то, чтобы сразу ошеломить соперников). В Монреале этот вариант не прошел... Там я тоже рассчитывал повергнуть конкурентов в растерянность первым далеким прыжком, но прыжок оказался с заступом — неудача. Пришлось срочно менять тактику и быть готовым ответить на далекий прыжок любого соперника. И когда американец Баттс в четвертой попытке прыгнул на 17 метров 18 сантиметров, я сумел сразу парировать этот выпад прыжком на 17 метров 29 сантиметров. Он и стал победным.

Рассказывая о секретах наших олимпийских побед, я приводил примеры из жизни нашей легкоатлетической команды. Но разве меньше таких примеров у других представителей олимпийского спорта? В его историю навечно золотыми буквами вписано мужество четырехкратного олимпийского чемпиона биатлониста Александра Тихонова, мастерство и воля трехкратных олимпийских победителей — гребца Вячеслава Иванова, борца Александра Медведя, фигуристки Ирины Родниной, спортивные подвиги великого бегуна Владимира Куца, боксера Бориса Лагутина, гимнастов Виктора Чукарина, Ларисы Латыниной, Людмилы Турищевой, пловчихи Галины Прозуменщиковой, фехтовальщика Виктора Ждановича, победы наших баскетбольных, волейбольных, гандбольных и ватерпольной команд... Да разве перечтешь имена тех, кто принес славу советскому спорту на семи Олимпиадах?!

Наша олимпийская гвардия будет рядом с теми, кто выйдет на старт в Москве.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОЧНОСТИ

Ия МЕСХИ

Некоторое время тому назад Руставский металлургический завод покидало первое здесь поколение металлургов — те, кто в 1944 военном году, вместо того, чтобы быть мобилизованными в армию, были мобилизованы на тогда еще строящийся завод. Сначала они обучались металлургии на предприятиях России и Украины. Потом здесь, в Рустави, дали первую плавку стали, пустили домну, прокатный, трубопрокатный и другие цеха. И не успели оглянуться, как стал подкрадываться и ним пенсионный возраст.

По происхождению все они были главным образом из крестьян. Став промышленными рабочими, в душе остались сельскими людьми. И когда начал подкрадываться этот самый неумолимый возраст (а у металлургов он довольно ранний), их все же потянуло в свои села. Не всех, конечно, но большинство. Коллектив терял сразу что-то около полутора тысяч человек, да еще таких нужных.

Об этом тогда было много разговоров на заводе. Об этом мы и рассказали на страницах журнала («Огонек» № 25 за 1975 год, очерк «Прочность»).

Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» побудило нас вновь вернуться к публикации пятилетней давности.

Добиться эффекта прочности (а значит, надежности, постоянства!) — кому-кому, а металлургам известно: это процесс сложный, длительный. Во всяком случае, в сталеварении. Тем более в человеческом сообществе.

Попав снова к руставским металлургам, я отправилась в отдел кадров. Это то самое узкое горлышко, через которое идут утечки из сосуда. Что же делается тут после мощного выплеска первого поколения кадровых рабочих?

Как всегда, по четвергам заседает общественный отдел кадров в составе представителей от цехов, заводских организаций, юристов.

Входит парень с заявлением об уходе. Начальник цеха докладывает:

— Хороший токарь, хороший товарищ. Работает четыре года. Живет в общежитии. Жаль с ним расставаться.

Слово токарю:

— Женился. Жена из деревни, недалеко отсюда. Отец жены не пускает ее в Рустави. Выходит, мне надо туда...

— Какой у тебя заработок?

— Двести — двести пятьдесят в месяц.

— А сам-то ты хотел бы остаться на заводе?

— Конечно...

— У нас есть в этом селе филиал одного нашего производства. Давайте переведем его туда. Согласен? А там тесть, может быть, и смягчится: вернешься в Рустави...

Парень, довольный, поднимается со стула, выходит. Кадровик, тоже довольный, ставит рядом с фамилией токаря знак плюс: сохранил для завода!

Следующий — машинист разливочного крана в мартене. Молодой, красивый. Лицо замкнутое.

— Почему подал заявление об уходе?

— Устал...

— Значит, будешь отдыхать?

— Зачем? Переезжаю в Тбилиси, там буду работать...

— Где?

Молчит. Следует несколько реплик, которые нет нужды тут приводить. Парень темнеет лицом:

— А что?! Я хорошо заработал, хочу «Волгу» купить. Здесь мне не помогли, хотя и обещали...

— А если все же поможем, коли это для тебя так важно?

— Поздно!..— отвечает он так, будто перед ним стоят на коленях.

— Да оставьте его, пусть уходит,— перебивает кто-то веско, и вопрос исчерпывается.

Кадровик ставит минус у фамилии красавца машиниста...

Рабочий кислородного цеха, с пускового объекта. Бледный юноша в модной курточке.

Часто отпрашивается с работы, ссылаясь на болезнь матери. Проверяли — ложь. Зарекомендовал себя халатным работником. Поэтому начальник цеха на его заявлении об уходе начертал: «Не возражаю». Но последние две недели вдруг стал работать хорошо.

И так бывает: написал, передумал. Мечется. Разве не следует побороться за него? И люди, собравшиеся здесь ради него (очень занятые люди!), находят нужные слова и доводы. Юноша забирает свое заявление об уходе и, как нам кажется, покидает кадровую комиссию удовлетворенным.

Да, теперь здесь все так же, как на многих других заводах: кочует в основном молодежь, не сидится ей на месте. С другой стороны, именно у молодых возникают всякие семейные обстоятельства, утрясается личная жизнь. Нельзя с этим не считаться.

Вот и заседает каждый четверг представительная комиссия. Сегодня она сохранила для коллектива (а может быть, и для хорошей рабочей судьбы?) двоих из четверых. В следующий четверг, возможно, пятерых из пятнадцати. За месяц — десять — двенадцать, за год с полторы сотни. Полезная, ощутимая деятельность.

• • •

Завод — как второй дом. Если в доме неудобно, неуютно, бежать отсюда хочется. Хорошо, что руставцы нашли пустырь на задворках своей территории и поставили там животноводческий комплекс. Правда, пока только свиноферму на пятьдесят тонн мяса в год. Удобно, что расширяют тепличное хозяйство с огурцами и помидорами и построили большое овощехранилище емкостью в тысячу тонн. Удобно, что внутри завода имеются Дом быта, разные магазины, куда можно забежать во время перерыва. Всего этого не было пять лет тому назад.

А уютно? Возможно ли такой громоздкий завод, махину из железных конструкций, труб, многопролетных зданий сделать уютным? Есть тут и такая попытка!

Заходишь в заводские ворота и видишь нечто такое, отчего хочется улыбаться: небольшое строение, где во врытых в пол горячих кувшинах выпекается национальный плоский хлеб. И тут же распродается. Но не это, конечно, вызывает улыбку: уж очень забавно облицован фасад пекарни, весь в художественной мозаике на тему о том, как добывается хлеб. Точнее — как добывался он в Грузии с незапамятных времен: плугари, сеяльщики, мукомолы, пекари. Милые, наивные предки, землепашцы, которые и придумали этот прекрасный, вкуснее, чем пирожное, хлебец. Берешь его, чуть ли не обжигая пальцы, и — домой, в семью. А забавная мозаика на фасаде делает свое доброе дело — растворяет усталость.

Кто же это выдумал? Кому пришло в голову на главной внутризаводской магистрали соорудить маленькую сванскую башню, возле которой можно отведать мороженого? Кто вдохнул вторую жизнь в старушку градирню у мартеновского цеха, и вместо того, чтобы снести ее, устроил в ней прекрасную хинкальную (пельменную) для сталеваров?

Человека этого зовут Отар Девитулиани. Он руководитель художественной мастерской на заводе. Искусство его самодеятельное, так как закончить специальное художественное образование помешала война. Но здесь, на заводе, пять лет тому назад он окружил себя молодыми художниками, выпускниками Тбилисской академии художеств. И вместе они принялись как бы дорисовывать облик завода, постарались сделать его, если так можно сказать о заводе, более уютным. И вот так появилось большое мозаичное полотно в трубопрокатном цехе, цеховые столовые, декорированные в народном стиле...

В столовой доменного цеха занавес из деревянных геометрических фигур, стены расписаны сюжетами сельского быта, с потолка свисают красивые светильники. Словно не в рабочей столовой, а в баре сидишь.

Тут, за тарелкой борща, мы разговорились с Отаром Давитулиани.

— Профессия доменщика,— сказал он,— по-моему, самая тяжелая из всех металлургических. В перерыв доменщики забегают сюда подкрепиться, отдохнуть. Мне хотелось, чтоб они здесь забыли о своем пекле, грохоте и черноте. Когда мы закончили делать эту столовую, я пригласил людей из цеха, чтоб они высказались. Одна женщина сказала: «А почему в оформлении не видно, что это столовая доменщиков? Нет наших печей, труб?» Я взял ее под руку, подвел к окну: «А вот они, трубы. Зачем их рисовать?» Тут все зашумели, начали спорить. И я понял, что поступаю правильно: создаю уют, отдых, паузу для тех, кто занят в горячих и других цехах. И в этом вижу свое место — место художника на заводе...

Я подумала: разве пять лет назад завод не приглашал художников, не оформлял столовых, доски показателей и так далее? Приглашал, конечно. Но то были люди со стороны, причем в основном заезжие, искавшие легкий заработок. А тут своя инициативная группа, которая знает на заводе каждый закоулок, думает, предлагает, делает, создает свой стиль. Причем все это дешево, используя многочисленные отходы производства. Результат таков, что тут же, на заводе, можно ничуть не хуже, чем в городе, поесть, купить, починить обувь, сшить платье...

• • •

Прямо как из горячей печи, заводской вычислительный центр выдал «Анализ причин увольнения по Руставскому металлургическому заводу за 1979 год». Широкая перфорированная бумажная лента легла на директорский стол. Директор завода Отар Николаевич Суладзе обводит кружочками цифры, вызывающие у него вопросы.

— Вот горячие и тяжелые цеха. А в этой графе так называемые нормальные, то есть не горячие и не тяжелые. Из каких цехов больше увольнений? Из нормальных. И не просто больше, а больше в два раза! Почему? Дальше вопрос с заработной платой: самая большая цифра увольнений с заработной платой, которую нельзя назвать маленькой,— от 150 до 200 рублей. Неожиданно много увольнений с зарплатой свыше двухсот рублей. Опять же почему? Текучесть кадров у нас за последние годы снизилась вдвое, составляет сейчас 11,4 процента. Но все же люди уходят, мешают коллективу стабилизироваться. Какая категория людей уходит и почему? Обо всем этом надо подумать и докопаться до истинных причин...

В начале года на заводе возникла сложная обстановка. В связи с перебоями подачи в республику газа приходилось временно приспосабливать такое громадное металлургическое производство под мазут. Где-то, неизвестно по какой железной дороге вот уже месяц, как застряли вагоны с огнеупорным кирпичом, и это задерживало ремонт мартеновской печи. В директорском кабинете не умолкали местные и междугородные звонки. Возникло чувство неловкости: время ли досаждать сейчас с неоперативными кадровыми вопросами? Но Отар Николаевич, на редкость спокойный человек, попросил к себе заместителя своего по вопросам труда и зарплаты Гурама Ивановича Шаникулашвили.

— Не беспокойтесь,— обратился он ко мне,— со всеми производственными неурядицами мы справимся, как справлялись не однажды. А сейчас поговорим о том, что нас по-настоящему сильно волнует.

И он показал мне текст своего выступления на пленуме ЦК КП Грузии, показал документы, подготовленные для встречи со своим министром.

Речь пошла о мастерах.

Что представлял из себя мастер когда-то, давно? Это был рабочий высокой квалификации, который обеспечивал, организовывал, делил заработанное, не обижая, естественно, и себя за отеческие заботы. Мастер сегодня — инженер. Иначе не может быть. Но он так же, как и раньше, обеспечивает фронт работы, организует труд, отвечает за выполнение и перевыполнение заданий. Все время рядом, вместе с бригадой. На нем и функции воспитателя. Только при определении заработка членов бригады (сверхплановые, премиальные, прогрессивки и т. д.) он, как ИТР, остается в стороне.

Отар Николаевич говорит:

— В последнем квартале прошлого года премиальные рабочим нашей отрасли повысили еще на 20 процентов. И разница между оплатой труда высококвалифицированного рабочего и мастера, который им руководит, увеличилась еще больше. Теперь мастер иной раз зарабатывает в два раза меньше, чем рабочий. Сегодня был у меня мастер из доменного цеха. «Я,— говорит,— шестнадцать лет учился, чтоб получить право стать мастером. Мой сын в прошлом году не попал в институт и пришел в наш же цех рабочим. Он приносит в дом больший заработок, чем я!..» Как хотите, а я понимаю недоумение этого человека.

— Мне приходилось общаться со своими коллегами-кадровиками с других металлургических заводов,— вступает в разговор Гурам Иванович.— Та же проблема беспокоит многих. То, что создаются предпосылки для увеличения заработка квалифицированного рабочего,— это очень правильно. Но нам кажется, что мы о мастере немного забыли. По оплате труда его следовало бы приравнять к рабочему.

А как, спрашиваю, реагируют на это сами рабочие?

— В том-то и дело! — чуть не подскакивает в кресле «уравновешенный» директор.— Именно они-то первые подошли ко мне с этим разговором. Спасибо, мол, за заботу о нас, но как-то совестно становится перед мастерами... Вот вам мнение рабочего человека, оно всегда самое справедливое. А беспокоит нас все это еще и потому,— заключает Отар Николаевич,— что жизнь приучила нас предвидеть причины текучести кадров. Только, казалось бы, наладил одно — не ладится другое, грозит утечкой очень важной на нашем производстве категории людей. И это куда серьезнее, чем даже поиски затерявшихся вагонов с кирпичом...

Постоянство, привязанность к месту, к людям, к обстановке — это, конечно, черта характера. Не всем быть одинаковыми. Не у всех звучит в душе эта внутренняя готовность к верности, готовность пережить вместе и хорошие и, может быть, неважные времена. Иной так и норовит перескочить туда, где лучше. А этому ведь не бывает конца. И так проматывается жизнь.

Я спросила Отара Николаевича, не разбегаются ли с завода мастера. Нет, оказывается, не разбегаются. Они понимают, что это положение временное, исправится оно. Надо его исправить.

МАСТЕРИ

Страна вступила в новую полосу жизни; люди всех профессий обдумывают свою работу, свое призвание, свои дела, соизмеряя их с приближающимся важнейшим событием — XXVI съездом партии коммунистов.

Как работают сегодня мастера искусства? Какие проблемы обдумывают, как обретают новые вершины?

Талантливая семья — композитор Газиза ЖУБАНОВА, лауреат Государственной премии, народная артистка Казахской ССР и Азербайжан МАМБЕТОВ, народный артист СССР, театральный и кинорежиссер. Их творчество известно не только в Казахстане.

Интервью у них берет корреспондент «Огонька» Ю. ЛУШИН.

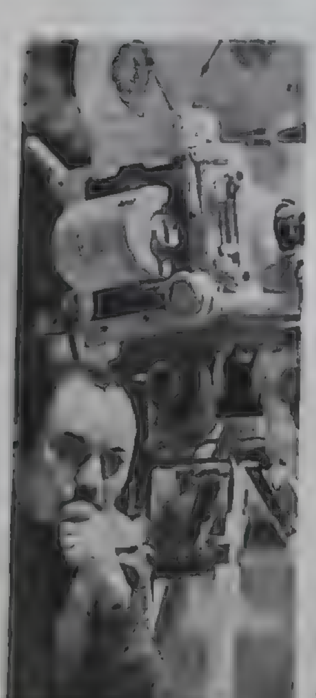
— Национальное искусство, живопись, музыка развиваются в Казахстане, как и во всех республиках, свободно и плодотворно, бережно сохраняются традиции. В столичном и областных театрах идут пьесы, постановки, оперы и балеты национальных авторов.

В одной из ваших статей, Газиза, я прочел: «Едва ли найдется народ, который хотел бы видеть свою страну заповедником, музейно хранящим реликтовые останки древних культур. Наблюдаемое ныне процветание традиций Востока — это не процветание в теплицах. Истинная традиция живет в р[illegible].

Поясните свою мысль.

Г. Жубанова. Фольклор — неисчерпаемый источник вдохновения. Наши казахские кюи, сочиненные народными композиторами и от музыканта к музыканту передающиеся десятилетиями,— шедевры. В них раскрывается щедрая душа народа, его страдания и радости, поэзия родных степей и гор. Как ректор консерватории, как педагог я не устаю повторять своим студентам: **учитесь слушать и слышать музыку своего народа, используйте традиции в своем творчестве.** Но вот как использовать?.. Многие считают, что для музыкальных произведений надо брать фольклор в первозданном виде. Мне же кажется, что этот путь ограничен — на этом пути не будет настоящего прогресса. Время накладывает свою печать на все творения человека. Оно требует переосмысления сделанного, поиска новых форм, но, разумеется, очень бережного, любовного, охраняющего **первозданность** мелодии,— ее прелесть, ее [illegible]

Я не считаю отступлением от традиции народа, когда включаю в свои музыкальные сочинения народные мелодии в своем преломлении, в своем «слышании», что ли... Это, собственно, и есть одна из граней композиторского творчества, которая выражает мироощущение современного человека.



А. Мамбетов. Несколько лет назад в Казахском академическом театре драмы я ставил пьесу Мухтара Ауэзова «Кобланды», которая не шла на сцене лет двадцать. И столкнулся при этом с неожиданными трудностями. Вроде бы нет сомнений в том, что движение жизни не может не влиять на театр, на содержание и форму сценического образа, на организацию действия спектакля. Но вот некоторые театральные деятели и рецензенты даже изменение привычных мизансцен в спектакле, даже новые эскизы костюмов объявили чуть ли не покушением на национальные традиции! Разумеется, у нас и в мыслях этого не было! Я убежден, что театр по самой природе своей является инструментом художественного, социального и политического выражения человека. Точно выверенным временем, он и должен служить человеку, струны душевные трогая...

— Как вы относитесь к мнению, бытующему среди отдельных режиссеров, что есть пьесы глубоко национальные, любимые своим народом, но, дескать, непонятные для других народов?

А. Мамбетов. Не думаю. Не думаю... Мне кажется, что спектакли «Козы-Корпеш и Баян-Слу» Габита Мусрепова, «Кобланды-батыр» Мухтара Ауэзова во время наших московских гастролей были понятны каждому зрителю, а это пьесы истинно казахские. Мне кажется, **искусству подлинно национальному ничто не мешает становиться искусством интернациональным.** Все зависит от меры таланта. Пьесы Чехова, например, волнуют не только русских людей. И «Дядю Ваню» я как раз собираюсь ставить в Казахском академическом театре драмы. В 1973 году мы были на международном фестивале театров стран Азии, Африки и Латинской Америки, привезли «Материнское поле» Чингиза Айтматова. Пьесу киргизского писателя играли на казахском языке. Но судьба простой женщины Толгонай оказалась близка и понятна всем, потому что ее преображенная талантом писателя материнская боль стала болью всех матерей земли, ее судьба — судьбой матери-Родины. Национальное стало общечеловеческим. Поэтому пьеса была понятна без перевода, после спектакля многие подходили к народной артистке СССР Сабире Майкановой, исполнявшей роль Толгонай, и благодарили ее со слезами на глазах. Кстати, музыку к спектаклю, как и к большинству моих постановок в театре и кино, написала Газиза Жубанова.

Г. Жубанова. Музыка по своей природе понятна всем, ее язык не требует перевода. И все же повторюсь: питается она истоками национальными. Я казашка. Пишу казахскую музыку, но глубоко убеждена, что слова любого языка помогают рождению национальной мелодии. Строго говоря, ведь в слове тоже живет своя музыка, слово тоже музыкально. Но вот я решила написать оперу на русском языке о подвиге двадцати восьми героев-панфиловцев и задумалась: не слишком ли смелая задача? Целый год я собирала и изучала материалы о панфиловцах. Прекрасные стихи Тихонова, Светлова, Суркова, наших казахских поэтов Аманжолова, Жармагамбетова рождали в душе живые образы... Я вспомнила, что великий Абай перевел «Онегина» на казахский язык и люди в степях пели эти стихи на его же мелодии, называя их песнями Татьяны и Евгения, которые казахам стали родные. Многие и не знали, что поют Пушкина! В детстве я слышала эти песни в доме отца, известного композитора Ахмета Жубанова, где меня окружала атмосфера народного искусства, его традиции, но еще и русские книги, русская речь. С детства я говорю на двух языках, окончила с золотой медалью русскую школу, затем училась в Москве, в консерватории, у замечательного педагога, выдающегося музыканта, профессора Юрия Александровича Шапорина. О нем, добром человеке и большом художнике, я всегда вспоминаю с благодарностью. Но вернусь к опере. Против моего ожидания, она как-то сразу «пошла» у меня — не скажу легко, но естественно, без натуги, принося творческие муки и радости. Там есть монолог Василия Клочкова — на русском языке. Есть арии казаха Есбулатова, киргиза Шопокова... Естественно, что я сочиняла музыку, стремясь выразить не только характер героев, но и их национальные черты. Главное, чтобы произведение убеждало, отвечало правде жизни, большой идее, сплачивало людей.

— Кстати, вас не задевает мнение, что опера, мол, это жанр устаревший, что она не для нашего времени?

Г. Жубанова. Может быть, и задевает. Но не настолько, чтобы я боялась за судьбу оперы. Убеждена, что этот жанр и сейчас живет и развивается полнокровно и будет жить всегда.

Другой вопрос, какова станет опера в будущем. Но это уже от нас, композиторов, впрямую зависит! Опера не песня, а сложнейшее произведение, музыкальный роман, если можно так выразиться. Для того, чтобы «прочитать», понять такой роман, нужна некоторая подготовка читателей, то есть слушателей.

Нужно их готовить: учить восприятию и пониманию серьезной музыки — оперы и симфонии. И готовить нужно в детском саду, в школе, где музыкальные занятия, к сожалению, проходят подчас формально. Очень обидно видеть, как люди сами себя обкрадывают, непродуманно отрезая добрый кусок мира, лишая себя общения с гениями — Бахом, Бетховеном, Чайковским, Моцартом, Шостаковичем...

А. Мамбетов. Да, это не просто — общаться с гениями... Знаю по себе. Несмотря на то, что наш режиссерско-композиторский семейный дуэт с Газизой существует много лет — мы вырастили и воспитали взрослых уже теперь детей,— я, например, только подошел к настоящему пониманию симфонии. Это действительно целый мир, полный страстей, это яростная и прекрасная жизнь. Как ее услышать? Мы ведь начинаем знакомство с музыкой отнюдь не с Бетховена, это естественно. Первая музыка — колыбельные песни детства. Потом идут попу-

Р А Б О Т А

лярные, а значит, и самые доступные. Их могут сменить, например, мелодичные, легко запоминающиеся вальсы Штрауса... Все это — как бы ступени лестницы, ведущей к вершине — симфониям. А если в лестнице провалы, до вершины не добраться. И когда мне кто-то говорит, что в наше время наиболее современны эстрадные мелодии (а эстраду я тоже люблю), потому что они, мол, более всего отвечают ритмам делового и неспокойного века, а опера — анахронизм, то я знаю, что мой собеседник просто не шагнул еще на следующую музыкальную ступень... Конечно, эстрадная музыка проще, чем серьезная, и тяга подростков к эстраде понятна: юноши не успели — просто в силу возраста, в силу небогатого опыта постижения искусства — подняться до того уровня, который позволяет глубоко воспринимать идеи, образы, мысли великих музыкантов...

Г. Жубанова. Помнится, несколько лет назад вдруг вспыхнула дискуссия о романе. Многие утверждали, что роман отмирает, что самый темп нашей жизни будто бы протестует против романа. И что же? Прошло время. Романы пишут и, если они талантливы, охотно читают, времени на это хватает. Так и с оперой...

— Театр, а затем кино — с момента их рождения — волновал вопрос взаимоотношений со зрителем. Как складываются у вас эти отношения?

А. Мамбетов. Мне нравится думающий зритель. В расчете на него я и работаю. Существует и другой зритель, к сожалению. Потребитель. Ему подай что-нибудь про Фантомаса, про мушкетеров, где мысль заменяется шлягером типа: «Пора, пора, порадуемся на своем веку...» К еще большему сожалению, есть и режиссеры, работающие на такого именно зрителя. Поэтому в театре и кино много мелкотемья, мало настоящих чувств и мыслей. Есть и такие произведения драматургии, где герои превращены в ходячие схемы, в личности вообще без чувств. И снова обидно за актеров, вынужденных это играть. Обидно и за умного зрителя, которому скучна дидактика.

— Вы собираетесь ставить «Дядю Ваню», только что закончили исторический фильм «Гонцы спешат». Не ушли ли вы от современности?

А. Мамбетов. Давайте рассуждать. Вечная тема искусства — противоборство добра и зла. К сожалению, зло многолико. Но оно не всесильно, как не всесильно и добро: оно тоже не всегда побеждает в жизни человека. Но это жизнь. И пока в жизни будет существовать этот конфликт, до тех пор его отражение в искусстве будет современным. Поэтому понятно, что Чехов, и Островский остаются глубоко современными...

«Гонцы спешат» — фильм о событиях восемнадцатого века, о борьбе казахского народа за свою свободу. Но взгляните на глобус — мир бурлит! Народы Африки, Южной Америки, Индокитая, Афганистана прокладывают свой путь к свободе, и кое-кому это очень не нравится; кое-кто не прочь с помощью пушек повернуть историю вспять, хотя хорошо известно, чем всегда кончались такие попытки. Поэтому исторические параллели бывают весьма современны...

Г. Жубанова. Однажды на молодежном диспуте меня спросили: «Зачем нашим современникам нужен балет «Спартак»?» Я ответила, что «Спартак» — это не только прекрасная музыка, но еще и урок мужества, добра и справедливости.

А. Мамбетов. К сожалению, хороших пьес и сценариев о современности прискорбно мало! Я имею в виду произведения, пронизанные глубокими мыслями, идеями, насыщенные крупными проблемами. А как хочется окунуться в жизнь, поехать в Экибастуз или Темиртау и там, что называется, снимать с листа... А может быть, «большое видится на расстоянии» и современному драматургу трудно увидеть в современной жизни главное, не отвлекаясь на мелочи?.. Иногда театры понимают современность своеобразно — вместо декорации сооружают на сцене котельную или цех чуть ли не в натуральную величину. Грешат этим даже первоклассные театры. Во МХАТе «Сталевары» идут на фоне почти настоящего литейного цеха. Смею заметить, что ни развитию спектакля, ни его образности это не помогает. Развитие характеров, движение мысли — только в этом может найти опору сцена...

— Вы — люди хорошо известные в республике и за ее пределами, удостоенные наград, почетных званий и титулов. Как вы сами относитесь к известности, к славе?

Г. Жубанова. Нормально, особых хлопот слава не доставляет. Упорно работать она меня не отучила. Я слишком хорошо знаю, что талант без труда мало что значит. Дети часто удивляются: «Папа, мама, почему вы работаете по субботам и воскресеньям?» Но творчество — процесс, не знающий выходных дней.

А. Мамбетов. Мне кажется, что слава обязывает человека быть добрым. Может, это оттого, что мы — дети военных лет. Я прошел суровую школу жизни. Отец погиб в сорок первом, мать умерла годом позже. И остались мы одни с сестрой Асей — сейчас она заслуженная артистка Казахской ССР, работает в ТЮЗе... Вспоминаю фильм «Подранки» Николая Губенко и словно вижу себя.

В ГИТИСе, в Москве, меня учили не только режиссуре, но и добру. Николай Михайлович Горчаков, замечательный человек, профессор, ученик Станиславского, и талантливый режиссер-педагог, народный артист СССР Андрей Александрович Гончаров. Много лет прошло с тех пор, но семена добра, заложенные добрыми людьми, не умирают.

Ты чего-то достиг, значит — помоги другим своим искусством, да и всем, чем можешь. Многие из моих учеников уже работают самостоятельно режиссерами в областных театрах, и как же приятно слышать об их успехах! Быть добрым — это призвание художника, здесь для меня вечный пример — Чехов.



— Кто для вас судья в вашем творчестве?

Г. Жубанова. Как-то одного большого композитора спросили, знает ли он: получилось у него произведение или нет. Он ответил, что знает. Мне кажется, это верно. Другое дело, что чувство уверенности приходит со временем. С опытом. В молодости ты действительно не уверен в себе, ждешь оценки критика или маститого композитора. И такая оценка часто помогает разобраться в себе. Но высшим судьей художника должен быть он сам. Я знаю людей, которые, услышав критику, немедленно, без раздумья начинают переделывать свою работу. Это значит, что у них или нет внутреннего убеждения, или же они легко относятся к творчеству... Но главную проверку произведение, конечно, проходит в зрительном зале. Перед слушателем. Одно из последних моих произведений — оратория «Хлеб и песня» по книге Леонида Ильича Брежнева «Целина». Первая же строчка книги «Есть хлеб — будет и песня» — задела какую-то сокровенную струну моей души, и, прочитав книгу, я уже знала, что буду писать музыку. Все мне было близко и понятно. Вставали [illegible]

дирижировала Вероника Дударова. Конечно, я страшно волновалась. Но это было волнение, которое приносит творческую радость.

А. Мамбетов. Не думаю, что настоящий мастер работает только для того, чтобы получить похвалу критики или друзей, хотя это приятно. Самоконтроль необходим более всего. Но решающую роль играет суждение зрителя.

[illegible]

— [illegible]

Г. Жубанова. [illegible]

Фото автора

Ежегодно в канун 22 июля в ПНР подводятся итоги необычного конкурса. Участвуют в нем маленькие провинциальные города, в которых проживает почти восьмая часть населения страны. Что же дает конкурс? За ответом корреспондент «Огонька» отправился в Лиманову, городок, который уже не раз выходил победителем этого своеобразного состязания.

Б. ЛАБУТИН,
специальный корреспондент «Огонька»

ГОРОДАМ ВО СЛАВУ — ЛЮДЯМ НА ПОЛЬЗУ

Поляки говорят, что выражение «у черта на куличках» родилось как раз в этих краях. Лиманова — на самом юге Польши, в воеводстве Новы-Сонч. Тихие неширокие улочки, старый костел над черепичными крышами домов, вокруг лесистые склоны Бескид.

На Рыночной площади — Центр услуг. Моя спутница из Варшавы привезла работу местным мастерам — перешить устаревшего фасона воротнички на блузках. Почему не в столице? «Тут сделают быстрее и лучше».

Да, через полчаса все было го-[illegible]

— У нас правило: сегодня на сегодня! — сказала заведующая Халена Муль. — Только для сложных заказов — сшить костюм, пальто — срок исполнения максимум четырнадцать дней.

На столике лежал журнал мод — такой я видел накануне в варшавских киосках. Удивила и табличка на двери: «Открыто с 6 до 22 часов».

— Видимо, вам пришлось увеличить штат?

— Нет, перешли на работу в две сме[illegible]

С 6 до 22 — так удобно рабочему человеку — открыты и другие мастерские. Тут радио- и телемеханики, столяры, слесари, каменщики, мебельщики, скорняки, ювелиры, даже специалисты по ремонту пишущих машинок, не говоря уже о сапожниках и парикмахерах. Позаботились и о жителях 23 деревень гмины, центр которой — Лиманова. В крупных — постоянные приемные пункты, в небольших знают день и час, когда приезжает служба быта.

Городок хоть невелик, а разбежался окрест на добрый десяток километров. Есть шесть автобусных маршрутов. Улицы залиты свежим асфальтом, по вечерам освещены. Больница — современная, пятиэтажная. Спортивный центр — просторные залы, бассейн, стадион, сауна. К базе отдыха на ближней Лысой Горе ведет подъемник. В городе четыре детских сада и восемь школ. К услугам населения широкая сеть магазинов, три ресторана, шесть кафе. А все население — одиннадцать тысяч человек.

В особом почете у них чистота. С дворниками в Польше тоже не просто, в Лимановой их нет вообще, но улицы будто только после уборки. Много газонов, скверы, ухоженный парк.

Здесь не умеют скучать! В первый же вечер мы попали на концерт фестиваля «Лимановская слава». Директор Дома культуры Ежи Опрут вручал дипломы певцам, скрипачам, чтецам — и досыпалось ими ребятам и седым старикам. Может, только сегодня нам так повезло? Ежи принялся считать, чем порадовал земляков Дом культуры в прошлом году: «Дни Лимановой», спектакли народного театра комедии, дискотека по субботам и воскресеньям, конкурс детского рисунка, фестиваль советской песни, выступления солистов Краковской филармонии, «лимановские посиделки», встречи со знаменитыми людьми...

Словом, здесь удобно жить и работать, здесь не чувствуется захолустья, хоть и лежит городок на самой окраине страны. Не обошли его стороной война, разруха, запустение. В сорок пятом тут были бревенчатые дома под соломой да два керосиновых фонаря на Рыночной площади. В сорок шестом открылось первое и долгие годы единственное предприятие — деревообрабатывающая фабрика на 150 рабочих...

Сегодня Лиманову не узнают даже те, кто был здесь лишь несколько лет назад. А началось все с объявления в журнале «Рада народова» 14 февраля 1967 года. В нем сообщалось, что редакция вместе с Министерством коммунального хозяйства, Комитетом мелкого производства, Главным комитетом физкультуры и туризма, Союзом потребительских кооперативов и Центральным правлением сельскохозяйственных кооперативов объявляет конкурс среди малых городов. Победителя ждет почетный титул «Мастер хозяйственности» и премия в 5 миллионов злотых, двух «Вице-мастеров» — по 3 миллиона злотых. За всемерное использование собственных резервов и создание новых рабочих мест, за развитие местной промышленности, сферы услуг, торговли, спорта, за чистоту и порядок на улицах, за инициативу и выдумку — словом, за образцовую культуру хозяйствования.

— Конечно, конкурс заставил задуматься прежде всего руководителей города, — рассказывает Чеслав Дудек, секретарь городского и гминного комитета ПОРП. — Да, у нас скромный бюджет, нет мощной строительной базы. Но всегда ли мудро распоряжаемся тем, что имеем, умело ли расходуем каждый злотый, ценим каждую пару рабочих рук? Например, парень из соседнего села устроился бы на фабрику, но как добираться до города! Молодая женщина пошла бы работать — некуда деть малыша... Когда подытожили все эти резервы, оказалось, что вполне можно было бы открыть еще одно предприятие, надо только создать людям условия для работы. Но как?

Хорошо, город может выделить средства на покупку нескольких автобусов, асфальта для дорог, недостающих материалов для постройки детсада и автовокзала; лес, камень, песок — свои, под рукой, а где взять строителей? Прикидывали так и эдак — нет, все сразу не под силу городскому бюджету. Тогда на общем собрании мы и обратились к жителям: нужна ваша помощь! Будем ждать лучших времен или возьмемся за дело сами, сообща? Вот что особенно важно: конкурс дал нам повод для делового разговора с жителями, возможность убедить их, что нельзя мириться с застоем, бесперспективностью. Конкурс помог пробудить самый богатый, неиссякаемый источник — общественную инициативу.

Два детских сада, автовокзал, первые километры асфальтированных дорог появились в Лимановой в том же году. На стройку вышли все, кто болел душой за родной город, кто стремился как можно быстрее изменить его облик. И через год тут открылись филиал Краковского завода измерительных приборов, машинно-тракторная станция, несколько кустарных мастерских, расширилась фабрика — с помощью государства (оно охотно пошло навстречу местным начинаниям) и за счет собственных резервов.

— Теперь можно было подумать и об остальном, — продолжает товарищ Дудек. — А не хватало бытового комфорта, налаженной сферы торговли и обслуживания, условий для отдыха, спорта. Но укрепилась материальная база, повышалась отдача от уже сделанного — нам стали по плечу и более смелые проекты. Скажем, провести газ в дома горожан. В десяти километрах бездействовало месторождение — для промышленной эксплуатации нерентабельное, для маленькой Лимановой — в самый раз. Газифицировано уже триста квартир! Или, например, перегородили плотиной местную речку — раньше она затопляла часть домов. В пруду сейчас разводим рыбу, летом тут прекрасный пляж. Вас удивил Центр услуг? Да, эта сфера — важный элемент социальной политики ПОРП, и это понимают люди, которые здесь работают. Пример их предприимчивости — недавно открытая скорняцкая мастерская: из отходов с кожевенной фабрики в Новом Сонче здесь делают модные сумки, ремни, сувениры. Помимо прочего, прибавка опять же в городскую казну! За последние пять лет Центр увеличил оборот вдвое. А вот конечный результат — в прошлом году городской бюджет перевыполнен на четверть.

Разумеется, не все было просто-гладко. Приходилось преодолевать инертность некоторых хозяйственников, с иными и расставаться. Не все из горожан с первого дня приняли идеи конкурса. Но лучшими аргументами против скепсиса и равнодушия становились новые и новые совместно сооруженные объекты, год от года хорошевшая Лиманова. Сегодня на счету у каждого жителя десятки и сотни часов, безвозмездно отработанных на общее, а значит, и собственное благо. Только в прошлом году стоимость их составила 16,5 миллиона злотых — почти пятую часть городского бюджета.

В 1971 году Лиманова стала «Вице-мастером», через год — уже победителем конкурса, «Мастером хозяйственности», еще через четыре — снова второе место. В 1977 году Госсовет ПНР наградил город орденом Трудового Знамени, а в 1979-м он получил премию 35-летия республики — «за достижения в развитии инфраструктуры, сферы торговли и услуг, базы для туризма и спорта, за образцовую чистоту и эстетику».

...Юзеф Гужик, начальник производства деревообрабатывающей фабрики, подарил мне на память о Лимановой звонкий, с веселым узором на боку кувшинчик из липы. От дедов-прадедов славился городок поделками по дереву. Не угас древний промысел! Для народных умельцев открыт надомный цех. На самой фабрике около тысячи человек. Она самый крупный в стране поставщик бочек, которые идут и на экспорт, в том числе в Советский Союз. Фабрика — крупнейшее предприятие города; естественно, она не в стороне от общих забот.

В первую очередь тут подумали об условиях труда. Смонтированы вытяжные устройства, звукоизоляция; рядом с цехами — столовая и магазин. Еще недавно горы отходов захламляли территорию, теперь они приносят доходы: щепа отправляется на бумажную фабрику в Пшемысль, брикеты из древесной пыли и коры продаются населению для печек, из обрезков изготавливаются сувениры, ящики, коробки, отделочные материалы — все реализуется через местную торговую сеть. Итог — 15 миллионов злотых годовой прибыли. Бригады фабричных рабочих участвуют в сооружении социально-культурных объектов. В следующем году будут строиться ясли — фабрика бесплатно поставит для них деревянные элементы.

Пан Гужик пригласил нас к себе. Гужики живут на окраине Лимановой, в одноквартирном доме, который построили сами — государство предоставило ссуду, а электрика, водопроводчика, отделочников пригласили из Центра услуг. Весь квартал из таких домов. Горсовет выделил участок, будущие новоселы сообща его расчистили.

Хозяйка дома, пани Мария, учительница начальных классов, — важное лицо в движении «Жители — городу»: она член «Комитета самоуправления». Семь лет назад они появились по всей стране и избираются из жильцов — в каждом доме (если он многоквартирный), на каждой улице, в каждом квартале.

— Что решает ваш комитет, пани Мария?

— Мы следим за чистотой в своем квартале. Организуем сбор пищевых отходов для соседнего кооператива, который выделил для этого транспорт. Кроме того, вносим предложения по благоустройству города и контролируем выполнение уже принятых. Вот, скажем, на последнем заседании обсуждался ремонт дороги в центр и школы, где учатся наши ребята, строительство детской площадки. Комитет решал, кто из жителей квартала и сколько часов отработает на стройках.

— Много времени отнимают у вас общественные дела?

— Почему «отнимают»? — возразил муж. — Для города — для себя! Дом сами построили, долго ли нам с соседом сколотить песочницу малышам? Сам убрал улицу — не бросишь окурок где попало!

Сбор макулатуры и металлолома поручен школам, за каждой закреплен свой район, в определенные дни горсовет выделяет машины. На вырученные деньги в этом году строится Дом молодежи. Особенно ждет его Петр, восьмиклассник, старший сын Гужиков: здесь будет семь мастерских для ребят, кружки — авиамодельный, радиолюбителей, фотографов, живописи и резьбы, театральный. Средний, 14-летний Павел, профессию уже выбрал: учится на первом курсе механического училища здесь же, в Лимановой, будет автомехаником. В ближайший выходной Павел едет с сокурсниками в горы, собирать камень для мозаики в фойе Дома молодежи.

Итак, городские власти, предприятия, сами жители. Но кто же соединяет полномочия одних, интересы других, добрую волю третьих? Это звено — комитет Фронта единства народа, самой массовой в Польше общественно-политической организации. В Лимановой пять районных комитетов ФЕН и общегородской. Руководит им Чеслав Богач. Как часто гаснут самые благие начинания, натолкнувшись на нерасторопность, равнодушие, попросту лень! Богач — энергичный, стройный, бодрый в шестьдесят один год, беспокойный и требовательный, — душа всех добровольных почнинов, их организатор и проводник. Целый день на посту — и на том, за который получает зарплату (он директор машинно-тракторной станции), и на том, где награда — лишь доброе слово земляков. Как идут дела на очередной стройке, все ли и в срок выполняют свои добровольные обязательства? Эти же вопросы обсуждаются на регулярных заседаниях комитетов ФЕН. Здесь намечается и перспектива, берутся на заметку предложения снизу, от «комитетов самоуправления». В конце года собирается общегородской комитет ФЕН с участием представителей горкома партии, народного совета, всех предприятий и учреждений. Мэр Лимановой знакомит общественность с проектом плана развития города на будущий год, выслушивает ее предложения, предварительно рассмотренные в комитетах ФЕН. На следующем, таком же представительном заседании утверждается уже окончательный план, составленный с учетом и возможностей городского бюджета, и вклада предприятий, учреждений, самих жителей. Составляется четкий график — кто и сколько отработает на намеченных объектах, кто поедет за лесом и камнем, кто приведет в порядок территорию вокруг новостройки. Через районные комитеты ФЕН, «комитеты самоуправления» график доводится до всех. И — за дело!

Вот и все «секреты» знаменитого в Польше городка. Можно винить кого-то в недостатках или находить им «объективные причины», но самому оставаться в стороне. Это позиция обывателя. Можно засучить рукава и навести порядок у своего дома, на своей улице, на своем рабочем месте. Именно так и поступили в Лимановой. Пример ее убеждает: «Мастером хозяйственности» может стать любой город, каким бы маленьким и отдаленным он ни был. Все зависит от людей, их отношения к своему делу, чувства гражданского и профессионального долга. А конкурс стал лишь той формой, которая вдохновила здоровый местный патриотизм, стимулировала поиск, инициативу, личное участие каждого.

Как родился конкурс?

Городов с населением до 15 тысяч человек в Польше 589. После войны возрождались и росли промышленные центры, а «глубинка» еще долго оставалась один на один со своими проблемами — недостатком жилья и работы, неустроенностью быта. Темпы развития малых городов были вдвое ниже, чем больших.

К середине 60-х годов, когда была восстановлена страна, настал черед навести порядок и здесь — чтобы более равномерно разместить промышленные и обслуживающие предприятия, ограничить чрезмерный рост крупных городов. Партия и правительство разработали программу активизации малых городов, в которых не намечалось строительство крупных индустриальных объектов. Совет Министров республики учредил особый фонд. В такой обстановке и родилось начинание, о котором 13 лет назад сообщил журнал «Рада народова».

В первый же год в конкурсе приняло участие 360 городов.

Как определяется победитель?

Каждый город получает регламент, утвержденный секретариатом Всепольского комитета ФЕН. Здесь определены задачи по пяти разделам: рациональное расходование средств бюджета и объем работ на добровольных началах, коммунальное хозяйство и содержание жилого фонда, мелкая промышленность и ремесла; торговля и общественное питание; физкультура, туризм, условия для activного отдыха. Всего в условиях конкурса я насчитал 37 пунктов. Они охватывают все — от выпуска местными предприятиями изделий модного ассортимента до оснащенности улиц дорожными знаками. Есть даже такая строка: «Сбор черствого хлеба». И такая: «Помощь и опека над людьми пожилого возраста». Словом, это соревнование рачительных, бережливых, неравнодушных!

За то, как выполняется каждый из пунктов, городу выставляются определенные баллы. Скажем, план ремонта квартир выполнен в срок — город получил 4 балла; если план выполнен с небольшим опозданием — всего 1 балл. Оценки выставляет комиссия по проведению конкурса, созданная в каждом воеводстве. Суд ее строгий: в комиссии работают представители самих городков, они-то уж не допустят, чтобы сосед получил завышенный балл!

Воеводские комиссии отбирают и кандидатов в «мастера». Окончательное слово — за главным жюри конкурса в Варшаве.

Я встретился с председателем жюри, секретарем Всепольского комитета ФЕН Витольдом Яро-[illegible]

— Мне очень приятно отметить ваш интерес к польскому конкурсу городов, — сказал он, — и я буду рад, если что-то из этого опыта почерпнут для себя советские читатели. Ведь и в Польше, и в Советском Союзе, и в других социалистических странах задача дня — повышение эффективности хозяйствования. А в том, что конкурс стал именно такой школой, нет сомнения. Прежде захолустные наши городки преобразились, стали бурно расти! А каждый год приносит новые свершения — городам во славу, людям на пользу. Ее не измерить только материальными благами. Конкурс помог нам воспитать талантливых организаторов и хозяйственников, умеющих мудро и эффективно использовать каждый злотый, умножая его на усилия общественности. Хочу особо подчеркнуть: конкурс для нас — и форма идеологической работы. Когда город-[illegible] коллективно разрабатывают планы, оценивают свои средства и возможности, обсуждают трудности, сообща намечают задачи — и первоочередные, и на «потом», — то формируется новая психология людей, они учатся мыслить по-государственному. Так укрепляется любовь к родному городу, в котором, оказывается, столь многое зависит от тебя, и к своему социалистическому отечеству, где инициатива граждан стала естественным делом. Польский конкурс городов не просто соревнование одних с другими. Это социалистическая демократия в действии, позволяющая людям осознать себя творцами своей [illegible]

На столе у товарища Ярошиньского лежала очередная сводка о ходе конкурса. Конечно, он еще не мог сказать, кто станет в этом году победителем. Но ясно одно: побежденных не будет!

Лиманова — Варшава — Москва





Центр Лимановой.

Фото Э. Суловской

ДЕЙНЕКА

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Дейнека. Лирика и гражданственность. Спящий малыш, нежный, трогательный. Мир детских грез, букет васильков. Тишина... И вдруг вы ясно слышите стук маленького сердца — трепетный, звонкий. Крошечное начало рода людского. Биение века — гулкое, неуловимое, беспредельное, заключенное в атоме человечьей плоти. Аромат полевых цветов, свежесть летнего утра. Неугаданность мечты самого художника в его стремлении к чистоте, правде. И тогда вам становится понятен другой Дейнека — яростный, гневный, суровый. Любовь и неприятие, в грозные часы — ненависть, вот в чем великий гуманизм искусства Александра Александровича Дейнеки, познавшего смысл бытия творца,— в борьбе света и тьмы, в вечном сражении, в познании той радуги жизни, которая видна каждому, но непостижимо сложна в пластическом выражении, властно требующем выясненности взгляда самого мастера. Ибо, по сути, в какое бы время ни жил большой художник — всегда, каждый час, каждый день, он ведет битву за свет. Другого не дано. Нет великого искусства аморфного, бесполого, нейтрального. И чем ярче талант, тем определеннее звучит его муза, тем звучнее, чище тембр голоса, тем первичнее мелодия его песен. Ведь нет немых полотен. Любой талантливый холст говорит, поет, рассказывает. Можно годами пытаться вникнуть, понять тайну гармонии, заложенную в творчестве того или иного живописца, но если он истинный художник, нет сомнения, что основа гения — время, в котором он живет, любит и ненавидит. Еще не было поры на нашей земле, когда Человек мог воскликнуть: «Я спокоен! Мир безоблачен. Сон нерушим. Ложь и коварство не существуют». Увы, не только в драмах Шекспира бушуют страсти, они владеют нами ежеминутно, ежедневно, и круговерть жизни тем и отличается от небытия, что люди подвержены волнению, их одолевают думы о несовершенстве, мечты о светлом грядущем. Это состояние открытия, беспокойства, неутоленности желаний и есть суть поры, в которой мы живем. Ибо наш двадцатый век до краев переполнен драматургией, мы являемся свидетелями величайших свершений, грандиозных взрывов, сотрясших до основ нашу планету. Мы все объяты силовым полем, сотканным из горя и радостей рода человеческого. Гнев оскорбленных народов, чванство и истерия власть имущих, зловещая тень золотого тельца омрачают атмосферу Земли. Художник, вникший в это поистине апокалиптическое сражение света и мрака, должен обладать мужественным сердцем, нежной душой и твердой, сильной рукою. Таким был Дейнека.

Пройдя по залам его выставки в Академии художеств, словно зришь грандиозную панораму жизни нашей страны. Слышишь грохот маршей Октября, веселый шум первых строек молодой Страны Советов, до твоего слуха долетают звуки песен юных созидателей небывалой нови. И когда на нашу Родину напала фашистская орда, появились полотна, в которых мы словно окунаемся в самую гущу страшных, героических будней Великой Отечественной. Сожженные села, тревожная военная Москва, опаленный Севастополь — все это предстает перед нами как великая художественная хроника, как летопись той эпохи.

Раньше других художников Дейнека ощутил дыхание Победы. Уже в 1944 году, когда фронт от Балтики до Черного моря еще сотрясался от грома канонад, от воя и грохота бомбежек, когда каждая пядь земли была искорежена, изуродована металлом, когда гарь и дым застилали само солнце, мастер пишет оду радости жизни.

«Раздолье»... Погожий день. В голубом мареве тают белые летучие облака. Русское раздолье вольно раскинулось на тысячи верст. Неспешно течет река, чуть темнея на перекатах, мощно несет она свое полноводье, играя яркими бликами. Гудит ветер в темно-зеленых лапах ели, обнявшейся со светлой березкой, шелестит в стеблях сухой травы, выжженной солнцем. На крутогор быстрее ветра вбегает группа девчат. Они мчатся, еще влажные после купанья, их загорелые тела сверкают на жарком свету. Развеваются, вьются по ветру русые косы... Горячим дыханием юности, свежестью, чистотой, солнцем пронизан этот большой холст. Художник услыхал биение молодых сердец, и ритм — вольный, волнующий — определил колорит и композицию картины. Эхо далеко разносит песню радости, она достигает могучего бора, тающего на горизонте в сизой дымке, гулко звенит на прибрежных песчаных пляжах.

Победа была уже не за горами, но художник горько переживал потери, понесенные Родиной, и отразил это в бессмертных холстах. Он любил свой Курск — город, в котором родился и вырос. Александр Александрович ликовал вместе со всей страной, когда в жесточайших сражениях на Курской дуге была одержана трудная, но тем более великая победа. «Раздолье» — ответ Дейнеки на ратные подвиги наших армий. Это полотно — красочный салют вольности, вновь завоеванной в смертных боях, ответ честного, бескомпромиссного мастера всем мракобесам и злыдням Запада: глядите, Россия жива, победна, чарующа. Ее девушки сродни античным богиням — стройные, длинноногие, быстрые, как мечта.

Дух Эллады... Он витает вокруг нас. Детство. Тускло вспоминаю белую блузку матери и брошь-камею, на которой впервые увидел юную красивую девушку с тонким, прямым профилем, высокой прической и какой-то удивительно гордой осанкой. С того мига прошло более полувека, весь этот долгий путь меня сопровождают молча, иногда сдержанно и задумчиво улыбаясь, чудотворно сложенные, несущие в себе музыку давно ушедших веков фигуры и бюсты героев, богов, богинь, атлетов, просто неведомых людей, поэтов, философов, ваятелей, ученых. Это Эллада. Древняя, вечная по цельности и духу гармонии пора. Ведь, невзирая на все достижения XX века, на вершины науки и техники, освоенные людьми, все же эти образы, встречающие нас в парках и старых дворцах, музеях и галереях, непостижимы и загадочны своим непокоримым духовным магнетизмом, той эманацией прекрасного, которая отличает зоревую пору культуры человечества — греческую античность. Конечно, изучая историю Древней Греции, мы сталкиваемся со многими сложностями, несправедливостью и дисгармонией, присущей любому классовому обществу. Но искусство Эллады — абсолют совершенства по своим дивным пропорциям, линиям, внутренней наполненности, а главное — той квинтэссенции красоты, которая в течение всех последующих веков будет оплодотворять совершенной пластикой, гармонией культуру Земли. Наша страна, как ни одна держава мира, достигла высот в развитии человеческого духа.

Вершины духовности — Рублев, Толстой, Достоевский, Чайковский, Рахманинов и многие, многие другие весомо определили роль России в становлении культуры и искусства нашей планеты. Эта мудрая прозрачная ясность мышления, миропонимания и определяет доброту нашего народа, его миролюбие.

Спросите у этих счастливых девчат, задайте вопрос этим необъятным просторам, бездонному голубому небу, светлым березам, выбежавшим на берег могучей реки, и вы прочтете в каждой изобразительной строке этого эпического «Раздолья» только одно слово — мир!

Народ, переживший за свою многовековую историю столько сражений за право быть самим собой,— несокрушим. Слишком много охотников насаждать свои нравы, свои законы было вокруг Руси. Нетороплив, спокоен, добр наш народ, пока с ним дружат, но если он увидит лицо врага, то ответ один. Он сказан в древние годы: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

Обернитесь...

Напротив картины «Раздолье» в экспозиции выставки — полотно «Сбитый ас», созданное в 1943 году.

«Сбитый ас» показывает нам судьбу врага, посмевшего напасть на нашу Отчизну.

Страшно ощетинились колючие, острые надолбы. Они вбиты в землю Родины — разрытую, изуродованную окопами и рвами. Следы глубоких воронок от авиабомб. Шрамы войны.

Окраина города, дымные, обгоревшие руины домов. Горько, одиноко торчат трубы печей, зияют смертные глаза окон разрушенных зданий. Разбитые, искореженные, сваленные набок военные грузовики. Сизо-синяя, гневная течет река. Почти черная застава соснового бора. И над всем этим хаосом, разрухой и ужасом — высокое серое небо с белесыми прорывами свинцовых туч. Жуткую тишину мертвой земли внезапно пронзил режущий вой. Смердя, таща за собой дымный шлейф, куда-то за раму падает фашистский самолет.

Сложивши в гибельной тоске руки, прикрывая голову и держась за ремни нераскрывшегося парашюта, прямо на надолбы летит сбитый в бою нацистский ас. Коротко стриженный «под бокс», с пепельными волосами. Скошен до прямизны затылок, сомкнуты челюсти, сведены скулы. Закрыв глаза, падает этот герой «фашистского рая» в объятия смерти. Художник нашел единственно правдивый образ. Он не издевается над переступающим порог жизни человеком. Дейнека — русский. Он мужествен, суров, но не фанатически жесток и не злобен. И поэтому его холст еще страшней в своей открытости. Мы до боли ощущаем наступивший миг столкновения ворога с чужой землей.

Конец один.

Вспомним «Окраину Москвы», «Оборону Севастополя», «Сгоревшую деревню», и у нас не останется сомнений по поводу позиции автора картин.

Он ненавидит врага. Но Дейнека не становится от этого бесчеловечным. Святая ненависть дает ему силу зримо показать причинность конца агрессора.

Спаленная Отчизна, пепелища родных мест, оплеванная земля, которую возмечтали поработить эти «сверхчеловеки», с иголочки одетые, выбритые, аккуратно стриженные, пахнущие одеколоном, снабженные первоклассной техникой. Они забыли только об одном — что война, кроме сражения железа, есть еще и битва духовных сил народов. И вот здесь был заложен крах блицкрига. «Сбитый ас» бесконечно современен. Его силуэт напоминает нам о событиях совсем недавних, о зловещих просчетах, о неисполненных надеждах людей, возомнивших себя выше других.

А. Дейнека. 1899—1969. ЮНОСТЬ. 1961—1962.

[illegible]

ПОД КУРСКОМ. РЕКА ТУСКАРЬ. 1945.

[illegible]





А. Дейнека РАЗДОЛЬЕ 1944



А. Дейнека. БЕГ. 1933. Государственный Русский музей

Но вернемся к искусству Дейнеки... Обгоревшие цветы, шуршащие на ветру, сожженный ковыль, ржавые откосы глины. Взирая на пронзительный по своей провидческой силе холст, еще и еще раз горько задумываешься над той легкостью, с которой некоторые стратеги повергают целые континенты под удар новой, более страшной катастрофы. Ведь «Сбитый ас» — это еще и пророческий намек на те катаклизмы, которые ждут любого агрессора, посягнувшего на наш образ жизни. Картина еще раз подтверждает, что искусство, «принадлежащее своему времени»,— бессмертно. Оно рождает ассоциации, будит мысль, заставляет биться сердце зрителя.

Смертная тоска этого фашиста написана рукою художника-гражданина, кисть и палитра которого были отданы служению Родине. В картинах Дейнеки нет недомолвок, двусмыслиц или, упаси бог, бессмыслиц, столь модных для искусства «модерна». Дейнека — реалист. Его муза публицистична. Язык его творений сродни поэмам Маяковского. Они величественны и монументальны. Их голос слышен издалека, хотя колорит сдержан до предела. Искусство художника поражает соединением станковой и монументальной живописи.

Курский босоногий мальчишка гонял голубей, ходил с ребятами на рыбалку. Сизый туман вставал над Тускарью, зябкий ветер рвал рубашонку, гудел в ветвях на, кленов, гнал стылую рябь по реке. В детство рано ворвались гулкие паровозные гудки: Саша любил ходить на работу к отцу. Железная дорога, пахнувшая нефтью, углем, пылью, научила парнишку понимать суть рабочего дня, ценить труд. Он заболел тоскою по стремительным линиям рельсов, семафоров, стрелок.

Юность, нелегкая, но наполненная романтикой встреч и расставаний. Теплые безлунные летние ночи. Черные руки деревьев ловят шевелящиеся звезды. В бездонной тиши вдруг раздается разливчатая песнь курского соловья. Все это создало душу лирическую, но неспокойную, прямую. Александр Дейнека, широкоплечий, крепко сбитый курянин, гордился теми легендами, какие слыхал о своих земляках, еще в старину отбивавших степные набеги кочевников. Этот характер родичей — строгий, храбрый, твердый был частью его, самой сердцевиной. И когда Курск в 1919-м стал ареной кровавых боев, он нашел свое место в рядах бойцов Красной Армии. Саше Дейнеке было известно лицо белых, ведь Курск брал Шкуро. И сын железнодорожника познал звериный лик контрреволюции. Он ходил глухими ночами по пустынному городу, слышал цокот копыт конных патрулей. Его слуха достигали одинокие сухие выстрелы, крики, стоны людей. Рано он понял, что жизнь испытывает человека и что судьба зависит во многом от собственной твердости и чистоты.

Еще мальчонкой он начал рисовать. Мать собирала этюды, не зная тогда их истинную цену. Да едва ли кто-нибудь мог признать в этом упрямом и остроглазом юнце будущего великого художника. Но когда в красноармейской шинели, жилистый, молчаливый, он переступил порог ВХУТЕМАСа, все студенты, не сговариваясь, признали его. Такая хватка была у молодого вхутемасовца, рисовавшего жестко, до удивления схоже с жизнью. Он писал непестро и цветно, не увлекался модерными течениями. Дейнека, как птица, пел свое время, и в этом был его гений.

— В общежитии ВХУТЕМАСа на восьмом этаже старого дома на Мясницкой нас жило четверо. Окошко нашей комнатушки до сих пор вижу, когда прохожу мимо,— рассказывает один из Кукрыниксов, народный художник СССР Николай Александрович Соколов.— Однажды, а это было в 1924 году, сосед по нашей «келье» Ваня Попков говорит: «Пойдем в гости, познакомлю тебя с Дейнекой». Мы все знали этого большого, хотя и молодого художника-вхутемасовца. Двор ВХУТЕМАСа был тогда настоящим клубом. С сентября там все собирались и делились летними впечатлениями, горячо спорили.

И всегда в центре одной из групп стоял Дейнека, его окружала плотным кольцом молодежь. Крепкий, я бы сказал, особо, по-спортивному, собранный, всегда выбритый, гладко причесанный, какой-то свежий на фоне некоторых бородатых, нечесаных «студиозусов», вечно бравирующих своей неряшливостью, он был очень заметен. Ребята его уважали за твердость суждений, немногословность и житейскую мудрость.

И вот мы в Лиховом переулке,— продолжает рассказ Соколов.— Нас встретил хозяин — Александр Дейнека. Глаза острые, как штопор. Белая рубашка с распахнутым воротником. Весь он походил на боксера или тренера.

Меня поразила скромность обстановки. Одна комната метров в шестнадцать. Это он в ней через три года напишет «Оборону Петрограда», взяв вместо отсутствующего мольберта чемодан с книгами.

Александр Дейнека сказал: «Будем пить чай».

Простой стол, накрытый клеенкой. У стенки прислонена чертежная доска. Диван. Мы не видели ни мольберта, ни палитры, ни кистей... Пуританская обстановка. Пили чай. Хрустели сушки. Дейнека рассказывал про Курск — остро, наблюдательно, с каким-то своим зрением. Вот его короткий рассказ:

«У нас в Курске булыга, пыль. На вывеске одной лавчонки — мастерской жестянщика—слова: «Циник. Жестянник». Вы бы видели этого «циника». Хилый, бледный мастеровой». Когда рассказал, даже не улыбнулся, только зыркнул своими прищуренными глазами. Я вспомнил Маяковского. Тот никогда не смеялся, хотя и говорил о смешных вещах. Дейнеке было всего двадцать пять, но по хватке, живописи, рисунку уже чувствовался м а с т е р.

Как прекрасны полотна Дейнеки, посвященные спорту! Думается, публицистичность, социальная острота глаза живописца нисколько не мешали ему любоваться Человеком, увлекающимся физической культурой, движением.

«Э с т а ф е т а». Вот поистине страница нашей молодости, полная динамики, воли к победе.

Среди зрителей, под вьющимися по ветру спортивными флагами в толпе стоит сам мастер. Он в белой рубашке рядом с девушкой, держащей букет цветов.

Гудит горячий асфальт, бегут короткие сиреневые тени. Жаркий полдень. Плывут белопарусные корабли облаков. Загорелые, сильные, юные, мчатся спортсмены по просторному проспекту «Кольца «Б». Мажорное, светлое полотно, как звук времени, мимолетно и вечно в своем утверждении жизни. Треть века — тридцать три года прошло со дня создания этого холста, но он написан будто сегодня, так далеко вперед глядел художник, так современен и точен почерк живописца, так молода была его душа.

«Ю н о с т ь» Эта картина вся звенит от скрытого движения, от упрямого желания преодолеть, взять высоту. Острое геометрическое пересечение прямых линий — пестрой планки, белоснежных очертений трибун стадиона, копья в руках у спортсменки, наблюдающей за прыжком подруги. Все на миг будто останавливает время. Художник изобразил тренировку. Стадион безлюден. Но сам пейзаж, воздух полотна, упругий и звонкий, дают нам полноту ощущений, удовольствие от занятий спортом.

С редкой, поражающей четкостью и остротой чувствовал мастер ритм эпохи, силуэт нови. Особенно поражают сегодня герои, населяющие эту «планету Дейнеки»,— мускулистые, смелые, гордые.

Художник шагал открытой им новой дорогой Пусть некоторые искусствоведы находят ранние истоки его творчества на Западе. Не стоит спорить об этом. Далеко ушел сам Александр Александрович от почерка своих молодых холстов. С годами живопись стала сложнее, палитра солнечней, кисть мягче и острей. Он обрел вместе с опытом ту юную мудрость, которая свойственна лишь художникам, слышащим голос с в о е й э п о х и. Так неотразимо просты мастера итальянского Ренессанса Доменико Венециано, Пьеро делла Франческа... Как любил их Дейнека. В его мастерской рядом с холстами и скульптурами можно было увидеть великолепные репродукции с картин Луки Синьорелли, Микеланджело, Мантеньи.

Дейнека — сын своего столетия. В нем жила душа первооткрывателя, но дух новаций нисколько не мешал ему любить Рафаэля.

Александр Александрович — художник величайшей культуры. Он сочетал природный ум уроженца славного города Курска — и любил называть себя курянином — с поистине европейской широтой вкуса, пониманием современного интерьера, дизайна. Помню, как-то вечером после рабочего дня он рассказывал мне, как много сделали Матисс, Пикассо, Леже для современного костюма, силуэта, архитектуры, типа машин.

В этом ощущении всемирного хода искусства во «всеохватности» Дейнеки, сочетающейся у него с величайшей принципиальностью, гражданской чистотой, прямотой, и сложился, наверное, тот уникальный художник, который создал свой, «дейнековский» тип героя — героя нашей страны.

Искусство. Каким необъятным кажется оно в руках мастера. И каким жалким, смятым, уродливым, утверждающим лишь свое ничтожество становится оно, когда даже талантливый художник воспевает не свой народ и Отчизну, а лишь «эго». Себя. Тогда это не взор свободной птицы, видящей мир во всем волшебном сверкании бытия, а взгляд червяка, ползущего по корням гигантского дерева жизни и со своего «червякового» ракурса ощущающего мир во всей его странной суетной детальности. Вот откуда рождаются цинизм, полное пренебрежение к гармонии, красоте. В этом сложная простота расшифровки любых проявлений формализма XX века, в основе которого — эгоизм, дилетантство и эпатаж.

Если импрессионисты показали человеку мир, отраженный в зеркале пленэра, то уже через полвека художники-модернисты это дивное зеркало р а з б и л и. И люди с ужасом увидели мир, схожий с осколками вдребезги истерзанного стекла. На полотнах формалистов двадцатых годов цельность восприятия была погублена, растолчена и искромсана во имя, казалось бы, передовой мысли — отразить экспрессию, динамику нови.

Характерны, поучительны черновики Дейнеки к статьям, которые я увидел в архиве мастера. Порою на отдельном листке бумаги простым грифельным карандашом крупным почерком отлита, как в бронзе, ясная фраза. Художник не брал в руки карандаш или перо, не выносив в сердце, глубоко не пережив взволновавшую его идею. Этот принцип характерен вообще для творчества Александра Александровича, которое имело очень определенное и сложившееся с годами правило. Началом любого холста был взволновавший мастера жизненный факт, импульс, зажигавший искру. Дальше пламя замысла зажигало душу художника. Порою этот процесс эмоционального накопления горючего был длителен. Затем после окончательно сложившейся пластической формулы живописец готовил рисунок, каркас композиционного решения. И вот наступал момент творческого взрыва — Дейнека фантастически стремительно писал холст. Это было похоже на удар молнии. Некоторые полотна созданы за несколько часов. Знаменитая «Оборона Петрограда», по рассказам современников, написана меньше чем за две недели!

Вдова художника вспоминает, что портрет «Юного конструктора» утром еще представлял собою чистый холст. Вечером, когда Елена Павловна вернулась с работы, картина была написана.

Бродя сегодня по выставке работ Дейнеки, как бы ощущаешь этот радостный акт сотворения. И какой бы трагической ни была картина, видна чеканная простота, с которой она написана. Душевная открытость, честность, взволнованность автора мгновенно передаются зрителю, словно участвующему и вновь переживающему светлые и горькие страницы летописи нашей Родины. Равнодушных на выставке нет!

Магический кристалл гения Дейнеки был глубоко граждствен. Любые поэтические явления, самые интимные по звучанию темы всегда обретают под кистью мастера яркую очерченность во времени. Глядя на его холсты, всегда скажешь: это двадцатые, тридцатые, сороковые годы. Так точны состояния, характеры, силуэты полотен мастера.

— Композиция,— говорил Дейнека,— имеет много правил, но я помню главное правило искусства, что художественное произведение имеет свойство показать явление глубже, цельнее, внутренне убедительнее, чем это может сделать голый жизненный случай.

Факт — случай — шедевр искусства. Сколько энергии, лирической взволнованности, наконец, богатства души, поэтического полета нужно иметь в запасе, чтобы так понять смысл, ключ, причинность жизненных явлений. Да, дорога к шедевру—это путь труда, нечеловеческого по требовательности отбора, владение тончайшим чувством рисунка, цвета, колорита.

— Я желал найти новую красоту, новый пластический язык,— сказал однажды художник,— и эта новь, большая, юная, требовала новых ритмов, новых живописных планов.

Обостренный «пластический слух» давал тот накал остроты, неповторимость силуэта, рождал удивительно острый правдивый стиль. Реалистический и романтический. Лирический и гражданственный. Стиль Дейнеки.

Александр Александрович обладал пушкинским даром понимать всю планетарность звания Человек. Его холсты, созданные за рубежом, потрясают своей точностью попадания, тонкостью нюансов, невероятной первичностью ощущений. Не раз я ловил себя на мысли, гуляя по Риму, что он создал как бы экстракт, символ великого города в своем шедевре «Улица в Риме», написанном в 1935 году. Густое синее небо с одиноким висящим белым крохотным облачком. Цвета сиенны глухая стена с окошком-иллюминатором, античная скульптура, краснорозовые монахи в черных головных уборах, рабочий с серым молодым лицом и бегущие горячие тени — это квинтэссенция, написанная живописцем без тени гротеска, но предельно колюче и раскрыто. Как ни странно, при всей многолюдности, набитости туристами древний Рим, его памятники отрываются от суеты будней, и создается иллюзия пустынности. Этот феномен передал Дейнека.

Как непохож на Рим Дейнеки его же Париж, с обжитыми старыми домами, кривыми переулочками, уличными кафе. Живописец нашел свой ключ к колориту столицы Франции — серые, голубые, иногда ярко-красные тона.

Почти уникальной по теме, колориту, а главное, состоянию является картина «Ночь». Черная пустота арки зеркала. Полка, уставленная парфюмерией, безделушками, пестрыми предметами туалета, флаконами, пуховкой для пудры, букетом сухих цветов. Спиной к нам женщина, сильная, полуобнаженная, она поправляет прическу. Цепкие руки, тяжелый браслет и — в зеркале — черные прорези глаз, магически чарующие. Алый рот, ярко накрашенные помадой губы. Эта картина по своей экспрессии и тайне сюжета, необычного для художника, одинока на выставке. Незнакомка — так, пожалуй, звучит в творчестве Дейнеки этот холст. Рядом с ним на стене «Парижанка» — великолепный этюд, решенный в красных, алых, багровых, теплосерых тонах. Элегантная блондинка в крохотной, ныне снова модной шляпке с розовым пером.

В просвете двери, рядом с «Ночью» — русская мадонна XX века, «Мать». После всех просмотренных работ еще раз убеждаешься, что это жемчужина творчества Дейнеки. Все величие духа русской женщины, гордая красота сильного тела, чеканная тонкость лица, склоненного над прильнувшим к ее широкому плечу малышом,— все написано мощно и мягко. Часами можно стоять у этого холста, размышляя о неисчерпаемости и бездонности темы. Века пролетели, сменились названия государств, изменились формы их устройства, а тема «мадонны» жива и будет жить, пока живет Земля. Хотя надо заметить, что некоторые истерично настроенные люди делают все, чтобы наша маленькая планета если и не взорвалась, то, во всяком случае, на много лет стала безлюдной...

Живописец был мудр и мужествен. Вот он глядит на нас с «Автопортрета» 1948 года. Художник пережил гибель друзей, его родные в Курске были в оккупации. И вот на пороге полувека — Александр Александрович родился в 1899 году — мастер пытливо вглядывается в нас. Крепкий, с фигурой атлета, в халате, он с перекинутым через правую руку полотенцем только что вышел из душа. Волосы, гладко причесанные, еще влажны. Позади него — многозначительная деталь — на полу стоит пустое чистое полотно на подрамнике. Мастера ждет работа. И он готов к труду, подвигу, спору, а если нужно, к бою. Таков Дейнека — гражданин своей великой державы. «Автопортрет» подчеркнуто прост. В нем нет тайны, колдовства света и тени, неразгаданной улыбки. Я бы сказал, этот холст подчеркнуто выстроен, поставлен. Это манифест мастерства. Никаких скидок на манерность, формальные изыски, недоговоренность. Но это не та серая безликая подробность, которая носит вполне научную формулу — натурализм. Нет! Это боевой реализм. Мастерство высшего класса, не боящееся ракурсов, знающее структуру пространства. Умение, стоящее на фундаменте великих традиций мировой и русской классики.

Проходя анфиладу залов выставки произведений Александра Дейнеки, словно попадаешь в гигантскую аэродинамическую систему, которая испытывает тебя самого на прочность, стойкость, чистоту твоей души. Полотна живописца бескомпромиссны. В них звучит честное сердце мастера, который любит либо ненавидит. Художник ясен. Но это не означает, что он прост и односложен. Искусство Дейнеки пристрастно. Он отдал свой гений целиком, без остатка, времени, в котором вырос, возмужал.

В наши дни нередко говорят о сложности, многозначности искусства. Это прекрасно! Но, однако, это все же не означает путаницы, двурушничества, эклектизма, подражательства и заигрывания с формализмом.

Распахните цветную вкладку нашего журнала. Вглядитесь еще раз в дату написания «Раздолья» — 1944 год. Он воспел этих русских девушек, словно летящих над голубыми просторами своей свободной земли. Сейчас они улыбчивы, милы, добродушны, но именно они, эти девчата, в страшный миг военного испытания стали бы Зоей Космодемьянской, Лизой Чайкиной, Улей Громовой. Мудрые «советологи» и «кремлеведы» будут еще десятки лет размышлять о «русской загадке». Им не понять, этим прагматикам, что подвиг рождается в мире тишины, счастья, любви. Именно тогда, как простой ответ врагу, возникает состояние, в котором честь твоей страны и твоя личная судьба становятся едины.

Сегодняшний мир сложен. Тысячи профессионалов ломают голову, как замутить воду, как изобразить белое черным, как сместить понятия добра и зла, свободы и рабства духа. Не потому ли некоторые «историки» так боятся говорить правду о событиях Великой Отечественной, не хотят вспоминать дружеские рукопожатия у Эльбы, солдатские объятия союзников на земле, породившей нацистскую агрессию.

Остановитесь у картин Дейнеки — «Оборона Севастополя», «Сгоревшая деревня», «Окраина Москвы», и вы почувствуете всю суровую быль тех дней. Неповторимые приметы времени, которому принадлежал художник. Но как жестко напоминает нам мастер о войне, о руинах, об изрытой земле, о миллионах погибших.

Счастлив тот, кто знал Александра Александровича Дейнеку. Слушал его. Запоминал его удивительные слова об искусстве.

Незаметно пролетело десятилетие, но и сегодня перед глазами стоит образ этого замечательного Человека. Правду говорят, что гора кажется там выше, чем больше удаляется от нее путник. Так и Дейнека. Чем больше проходит времени, тем все монументальнее и мощнее обрисовывается огромный Художник, поразительно прямой и мудрый.

Он любил повторять:

— Говорить об искусстве так же трудно, как рассказать о разнице в запахах яблок — антоновки и бумажного ранета.

— Молодость должна знать, что хочет. Но это еще не значит мочь. Я сейчас, в свои зрелые годы, больше всего боюсь быть моралистом и жить за счет накопленного авторитета. Беда многих художников старшего поколения в том, что они на дорогах искусства предпочитают знаки запрещающие, а не указующие. А кому же, как не молодежи, пробовать, искать выразительные смелые слова и образы, самими прочувствованные и пережитые.

Поражает простота, отобранность пластики Дейнеки. Где бы он ни был, что бы ни писал, его полотна почти символы, знаки, обретающие словно мистическую реальность.

Много написано строек, цехов, самолетов нашими художниками, но, пожалуй, никто из них не создал столь обобщенно острые образы нового, как Дейнека. Одним из качеств мастера была огромная культура, школа, знание поэзии, музыки, литературы и, конечно, прежде всего изобразительного искусства. Александр Александрович превосходно писал. Вот его слова о гениальном итальянском художнике: «У Микеланджело ничего лишнего, один человек, остов дерева да глыба пустой земли. Но перед вами встает целый мир».

Это никак не означало, что энциклопедические знания истории культуры и искусства мешали Дейнеке быть новатором. Ему помогали в поисках нови мощный общественный темперамент, воля и совесть творца. Но сложная простота композиций Дейнеки требовала, кроме огромного чувства, фундаментальных знаний, великого дарования, еще и колоссального труда. Вот этого и не понимают иные подражатели искусству Дейнеки, по существу, опошляющие стиль мастера своими грубыми, псевдомонументальными «модерными» подделками.

Мастер говорил о таких псевдоноваторах:

— Слишком быстро многие художники впадают в привычный схематизм признанной левизны композиции, трафарет поз. Уродство человеческого облика не вяжется с нашими представлениями о красоте человека.

Дейнека любил молодежь и очень терпеливо относился к ищущим.

— Терпимость необходима,— считал он,— и к возможным ошибкам художника в поисках прекрасного. Жизнь меня научила понимать, что настоящее искусство, его стиль создаются человеческими страданиями и радостью и что напрокат стиль занять нельзя. Сумма впечатлений, приходящаяся на мою долю, иногда меня потрясает. Я смотрел, как многое меняется, желал найти пластический язык новому, красивому, большому.— Дейнека остановился. Большая рука описала крутую параболу: — Девушка напрягла мышцы, и, обострив контуры молодого тела, рывком летит с вышки, распластав руки, в воду—фигуры меняются, прыжки то острые, то плавные, то широкие, но всегда прекрасные. А возле бухты медленно разворачиваются на воде гидросамолеты и, выровнявшись, упрямо, бешено развивая скорость, отрываются от воды, с ревом несутся над вашей головой, и летчик вам улыбается.— Дейнека замолчал и задумался.— А потом на фронте на снегу я видел сбитого летчика, и он был, как убитая птица... Двадцатый век, век контрастов.

Как-то вечером мы бродили с Дейнекой по набережной Москвы-реки. По густой темной воде, как светлые стрелы, плыли, нет — летели лодки-скифы, острые, стремительные.

— Иногда,— промолвил Александр Александрович,— я будто слышу голоса отца, матери, друзей, близких. Песни далекой юности, спокойную речь учителя и плач старухи, безнадежный, страшный, над умершим сыном. Потом я слышу запахи цветов, самые разные, самые тонкие, ведь каждый цветок пахнет по-своему, свой запах имеют разные сорта яблок, смородины, деревьев.

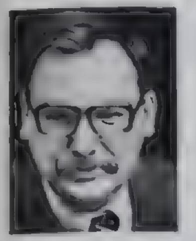
Мгновенно я вспомнил, как Дейнека любил сам растить цветы. Раз он привез шесть кустов жасмина и посадил на участке дачи в Переделкине. В последний год жизни взял да и вырастил целую грядку астр.

Стемнело. Крымский мост прочертил закатное небо.

— И может, оттого, что я так много встречал несчастья, горя,— тихо сказал Дейнека,— я уразумел, что это все скрашивает песня, задор, искусство и что есть в мире красота. Искусство — это немножко идеал. Желание большего, чем видишь, чем живешь. Я считаю: искренность — основа искусства.

...Над Москвой-рекой летали чайки. Их крики, пронзительные, тревожные, волновали душу. Высоко на холме горело золото куполов кремлевских древних храмов.

ЛИЦА ДРУЗЕЙ



Виктор ШИРОКОВ

●

Что-то происходит с нами,
потянулись к старине.
Может, стосковалась память
по музейной тишине...

Чувство Родины, России
в нас острее запоет
от небесной звонкой сини
и рябины у ворот.

Ступишь на дощатый мостик,
ахнешь сам — а что с тобой?!
Вроде ты поехал в гости,
а попал к себе домой.

СИВЦЕВ ВРАЖЕК

П. А.

Переулок Сивцев Вражек.
Сколок сказочных речей.
В этот каменный овражек
человеческий ручей
затекает... Здесь — заказник
зданий, мыслей и фонем.
Чувств непреходящих праздник
здесь витает надо всем.
По булыжникам горбатым
здесь влеклась арба невзгод.
В переулке за Арбатом
птица Вымысла живет.
Я иду к поэту в гости —
через страны и века,—
и густых метафор гроздья
так и сыпят с языка.
Расписной, как тульский пряник,
льнет и ластится косяк...
Сивцев Вражек, я твой данник.
Получи сполна ясак.

●

Не знаю, что это такое,
когда, четырежды права,
в земле,
без солнца,
под землею
растет упорная трава.
Она не зелена.
И все же
назвать ее бесцветной
жаль —
извечный цвет свободы
ожил
в ростке,
свернувшемся в спираль.
Весной светлей
и ближе дали...
Так сильный выглядит
добрей.
Коснись — она и впрямь
одарит
суровой нежностью своей!

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Ботанический сад.
Одомашненный лес.
Вне железных оград
светлый купол небес.

Льется в каждый прогал
тишина. Синева.

Этот строгий хорал
заглушает слова.

И плывут облака,
и качается куст,
и ребенок бежит
по траве босиком...
Все слилось, все летит,
все в порыве одном!
Соты с солнцем, дружок,
мы уносим с собой.
Шмель заводит движок.
Стынет мед голубой.

●

Благолепие райского сада,
винограда студеная спесь
не нужны мне, поскольку досадно
быть счастливым и нощно и днесь.

Трудоемка природы основа,
свет и тень перемешаны в ней,
и рожденное разумом слово
долговечней минутных страстей.

Может, только привычкой
к страданью,
за которым работа души,
формируется центр мирозданья
в самой затхлой и темной глуши.

И поэтому нощно и денно
не бросаю убогих снастей,
мысль — мой парус в бескрайней
вселенной,
Маяки — сотни выплывших в ней.

КУВА

Кува... По-коми: мертвая вода.
Слова, и только... Смерти нет
следа!
По берегам цветущие луга.
Не молкнет гам. Бессонны берега!
Полна движенья грудь живой
реки —
волна с волной бегут вперегонки.
И, прерывая свой далекий путь,
порой садятся утки отдохнуть.
И, в пригоршни набрав речной
воды,
пьет девушка, не чувствуя беды.
Быть может, где-то в сонной
глубине
все то, что так тревожит сердце
мне?
Кува... О чем первопроходец
[illegible]
когда печальным именем назвал?
Быть может, здесь товарищ
занемог
и он с тех пор остался одинок?
Быть может, в нем надежда
[illegible]
что зла не вносят добрые дела?
Быть может, сам он счеты свел
с судьбой,
когда шнурок увидел голубой?..
Кува... Ветхозаветная река...
Который век течешь издалека?
Скажи, над кем твой тяготеет рок?
Что мне сулит твой голубой
шнурок?
А может, сам я, мучимый тоской,
найду разгадку, став навеки твой?
Слезой по небу скатится звезда...
Кува... По-коми: мертвая вода.

● 

Ты старинное русское имя
на сегодняшней карте найди
и тотчас поезжай во Владимир,
в Золотые ворота войди.

И откроется чуткому взору
красота заповедных затей:
соболиные шапки соборов,
белизна древнерусских церквей.

Ветер времени, мощный и резкий,
колокольным ударит крылом,
и отныне рублевские фрески
не померкнут в сознанье твоем.

Здесь — глазами владимирских
зодчих,
сотворивших высокий музей,—
ты вглядишься острее и зорче
в стены храмов и в лица друзей.

ЗАРНИЦЫ

Петро ПЕРЕБЕЙНОС

ВЫСОТА

На черных лентах чахнет
позолота.
И скорбный ветер яростно
свистит.
В пространство
над могилою пилота
пропеллер,
как душа его,
летит.
Он рвется ввысь — и нет ему
преграды.
Он мир сумел увидеть и объять.
Тут ясно все.
Тут лишних слов не надо.
Тут просто надо молча постоять.

Гранит слезится горькой
позолотой.
Простерли крылья хлебные поля...
Застыл пропеллер —
памятник пилоту,
и все быстрей вращается Земля...

Перевел с украинского
Игорь ФЕДОРОВ.

●

Расти скорей, сынок,
я научу
тебя косу точить
и на рассвете
росистые зарницы
класть в покос.
Ты знай, сынок:
я сам, как повелось,
науку эту принял
от отца,
отец — от деда,
дедушка — от прадеда...
Скажу по правде,
страшно,
если вдруг
со мной угаснет
в вечной неизвестности
живой огонь
науки всех наук...
Нет,
пусть далекий внук
в горячий мозг
впечатает на совесть:
чтобы комбайны
двинулись в хлеба,
путь пролагая
вечною косою.

КАКТУСЫ

Кактусы, диво-скульптуры,
странен и чуден ваш вид!
Дерзкая ваша натура
многое мне говорит.

Пики зеленых штандартов
целятся в сердце мое,
властных законов стандарта
скульптор ваш
не признает.

Эта несхожесть обличий
чем-то тревожит меня
Манит ваш мир необычный,
тайну рожденья храня

Смелые дети природы,
в каждом лице — новизна,
род ваш колючий и гордый
немощных копий не знал.

Бьется в игольчатой плоти
вечности вашей листва.
Кактусы, людям откройте
суть своего естества!

Авторизованный перевод
с украинского
Евгения КРИЖЕВИЧА.

ВОКРУГ «ДВЕНАДЦАТИ»

В ноябре 1980 года исполняется 100 лет со дня рождения великого русского поэта Александра Блока. Эта дата включена в международный календарь ЮНЕСКО «Празднование великих годовщин и исторических событий». «Огонек» начинает публикацию материалов, посвященных выдающемуся сыну России.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

«Во мне не изменилось ничего... но только рядом с второстепенным проснулось главное»

А. А. Блок
(Из письма. Май 1918 г.)

В своих воспоминаниях К. И. Чуковский приводит разговор о «Двенадцати» между Блоком и Горьким. Горький заметил, что «Двенадцать», по его мнению,— злая сатира. «Сатира? — спросил Блок и задумался: — Неужели сатира? Едва ли. Я думаю, что нет. Я не знаю».

Далее критик пишет:

«Он и в самом деле не знал, его лирика была мудрее его. Простодушные люди часто обращались к нему за объяснением, что он хотел сказать в своих «Двенадцати», и он, при всем желании, не мог им ответить. Он всегда говорил о своих стихах так, словно в них сказалась чья-то посторонняя воля, которой он не мог не подчиниться».

Здесь вспоминаются слова другого поэта: «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!» И пушкинское: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...» Однако вспомним, как едко обрушивался Л. Н. Толстой на концепцию о том, что писатели, художники всего лишь проводят в мир интуитивно постигаемые ими идеи. Вероятно, несмотря на успехи естественных наук, решить с достоверностью вопрос о роли бессознательного в творчестве удастся еще не скоро (если вообще удастся). Мы же попытаемся разобраться, насколько возможно, в том, что нам доступно,— в сознательном восприятии художником окружающей действительности. Прежде всего приведем свидетельство самого Блока, противоречащее заключению критика о том, что и «его лирика была мудрее его». На возмущенное стихотворное послание З. Гиппиус Блок пишет: «Я отвечаю Вам в прозе, потому что хочу сказать Вам больше, чем Вы — мне, больше, чем лирическое». Это не единственное свидетельство того, что Блок понимал недостаточность выраженности мысли поэтическими средствами.

Как соотносятся жизнь и искусство? У Блока — как пожар и зарево:

*Чтобы по бледным заревам
искусства
Узнали жизни гибельной
пожар!*

Но поэт — творец, создающий космос из хаоса, его задача: «Строй находить в нестройном вихре чувства». Очевидно, от того, насколько удалось поэту претворить «нестройный вихрь» в гармонию, от степени совершенства этой гармонии зависит судьба его творений: чем совершенней гармония, тем больше отклик в сердцах людей.

В этом отношении Пушкин недосягаем. Каждое его стихотворение гармонично, соразмерно, просто и ясно.

*В размеры стройные
стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой* [illegible]

А. Блоку раннего периода его творчества не всегда удавалось находить «послушные слова». Оттого-то и неясны были некоторые из его «Стихов о Прекрасной Даме». А. Н. Толстой вспоминал, что, «когда самого Блока спрашивали: «Ну, хорошо, объясните мне сами, что значит это: «Уронила матовые кисти в зеркала»,— он со слабой улыбкой прекрасных губ отвечал простодушно: «Уверяю вас, я сам не знаю». А один профессор даже поместил в газете письмо под заглавием «Сто рублей за объяснение», в котором предлагая «всякому — в том числе и автору — уплатить сто рублей за перевод на общепонятный язык стихов Александра Блока: «Ты так светла...»

Сам Блок считал, что «написал стихи о вечном и вполне несомненном, что рано или поздно должно быть воспринято всеми (не стихи, а эта вечная сущность)». В конце жизни поэт говорил: «Я написал один первый том»,— очевидно, имея в виду ту самую «вечную сущность», которая не подверглась переоценке. Если читателей и сегодня завораживают блоковские напевы, то, вероятно, благодаря смутному ощущению каждым этой «вечной сущности», которая пробивается сквозь «непослушные» слова, подобно тому, как «бледное зарево», видимое издали, позволяет судить о силе по[illegible]а.

Обратим внимание, что значительно позже и от автора «Двенадцати», как и от певца «Прекрасной Дамы», требовали разъяснений, что стоит за словами, за образами. Блок не успел, как намеревался в конце жизни, прокомментировать «Стихи о Прекрасной Даме». Духовно близкие ему люди не имели нужды в расшифровке этих стихов, потому что они, как и поэт, явственно ощущали ту самую «вечную сущность». Но тем не менее там все было куда сложнее: мистические переживания, культ Вечной Женственности, отразившиеся в «Стихах о Прекрасной Даме», требуют или соответствующей душевной организации, или (что, впрочем, менее достаточно) постижения их через религиозно-философские произведения, бывшие в моде в ту пору в среде, питавшей Блока. Блок — создатель «Стихов о Прекрасной Даме» — поэт своей души. Но какова была эта душа?

«Боюсь души моей двуликой...» Эта осознаваемая двуликость чрезвычайно много определяла и в личности и в творчестве Блока. Есть поэты, вообще есть люди «странные» с общепринятой точки зрения. В них странно все: и творчество, и мысли, и речь, и образ жизни, и характер отношений с окружающими. Причем сами такие люди, целиком существуя в своем «странном» для других мире, чаще всего не испытывают чувства ущербности, скорее, может быть, превосходства по отношению к большинству. Или же вообще не замечают своей непохожести.

Молодой Блок — певец Прекрасной Дамы, певец «несказанного», Блок, подверженный мистическим видениям в духе Вл. Соловьева, при знакомстве поражал людей, до того знавших только его поэзию, несоответствием своих юных туманных песен и цветущего здоровьем физического облика и исключительно корректной манерой держаться, то есть абсолютной внешней нормальностью вопреки ожидаемой изломанности. Но в нем все это уживалось: изломанность и гармоничность, сумрачный мистицизм и радость физического труда. Уживалось, но не мирно. «Боюсь души моей двуликой». Его мучил и тяготил внутренний разлад. Здоровое начало он ценил в себе и в других, от своей дисгармонии жаждал избавиться, оттого и тянулся к здоровью, к жизненной полноте, олицетворением которой была Любовь Дмитриевна Менделеева, его жена, его Прекрасная Дама. Более широко — олицетворением душевного здоровья был простой народ, вообще настоящий широкий мир, так любимая поэтом природа.

«Ненавижу свое декадентство и бичую его в окружающих, которые менее повинны в нем, чем я». И всю жизнь он стремился вырваться, «выздороветь». Отсюда и мечта, что, в будущем «юноша веселый» скажет:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

Индивидуализм воспринимал он как болезненное проявление. Избавление от него — в слиянии с другими, в уничтожении разобщенности. Старый мир представлялся ему «страшным» во многом из-за разобщенности. Крушение старого мира означало конец разобщенности. Потому так жадно ждал и желал этого крушения:

*И все уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась
связь*

После спада революционного движения 1905 года Блок писал с горечью:

*Нет, опять он обманул,—
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...*

«Двенадцать» и «Скифы» являются естественным развитием прошлого творчества поэта. И не только творчества. Ведь есть сведения, что в 1905 году Блок нес красное знамя во время рабочей демонстрации. Однако не следует преувеличивать революционности Блока: «Никогда я не стану ни революционером, ни «строителем жизни», и не потому, чтобы не видел в том или другом смысла, а просто, по природе, качеству и теме душевных переживаний...» (Письмо к отцу 30.XII.1905 г.) Но «не стану» сам не значит «не приму» в других.

И когда наступил Октябрь, Блок радостно откликнулся на великие события.

Вот знаменательная запись в «Дневнике» в марте 1918 года:

«Революция — это: я — не один, а мы».

Но чтобы ясней представить себе, что стоит за «Двенадцатью», каков духовный генезис поэмы, надо иметь в виду весь путь поэта с самых начальных шагов.

Если «Стихи о Прекрасной Даме» — это в большинстве своем картины, запечатлевшие состояние влюбленной в Вечную Женственность души, то «Двенадцать» — полотно, на котором художник попытался нарисовать внешний мир, каким он представлялся ему, всеми силами стремившемуся слиться с разбушевавшейся стихией.

Если «Стихи о Прекрасной Даме», употребляя блоковскую терминологию, отсвет, отражение «вечной сущности» в его душе, то «Двенадцать» — это отражение той части мировоззрения поэта, в которой сконцентрированы его общественные взгляды и устремления.

Но «Двенадцать» — поэма. И реальность предстает в ней перед читателем преломленной своеобразным творческим методом Блока. В «Двенадцати», как, может быть, ни в каком другом произведении Блока, слились гармонично его внутренняя «тема душевных переживаний» — тревожность, стихийность, рок, любовь — и внешняя тема, всем понятная и всех волнующая,— крушение старого мира. В этом — сила «Двенадцати», в этом — ее своеобразие. Друг Блока поэт С. Городецкий определил появление поэмы, как слияние старой, пушкинской культуры и новой, пролетарской. «Блок,— писал он,— спаял золотой язык прошлого века с языком нашей улицы».

Но это необычное сочетание, вероятно, явилось камнем преткновения для большей части критиков различного толка.

Чтобы понять, почему Блок принял революцию, недостаточно анализировать только его лирику, как это проделывали чаще всего современные ему критики. Только рассматривая совокупно Блока — поэта, прозаика, публициста, общественного человека — в его переписке и разговорах, интимно-потайного — в его дневниках и записных книжках,— можно по крупицам собрать воедино его глубинное, диалектическое социальное мировоззрение. И тогда, может быть, получим мы, пусть косвенный, ответ на вопрос, на который, поставленный в лоб, он и сам не мог ответить.

«Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили»,— пишет он в записной книжке в связи с шумом негодования, вызванным его статьей «Россия и интеллигенция». Блок не только ясно понимал, что революция неизбежна, но он и признавал ее историческую оправданность.

В 1919 году в дневнике он пишет: «...Я любил прогарцевать по убогой деревне на красивой лошади; я любил спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мужика, чтобы «пофорсить», или у смазливой бабенки, чтобы нам блеснуть друг другу мимолетно белыми зубами, чтобы екнуло в груди так себе, ни от чего, кроме как от молодости, от сырого тумана, от ее смуглого взгляда, от моей стянутой талии... Все это знала беднота. Знала она это лучше еще, чем я, сознательный. Знала, что барин — молодой, конь статный, улыбка приятная, что у него невеста хороша и что оба — господа. А господам — приятные они или нет,— постой, погоди, ужотка покажем.

И показали.

И показывают. И если даже руками грязнее моих (и того не ведаю и о том, господи, не сужу) выкидывают из станка книжки даже насколько «заслуженного» перед революцией писателя, как А. Блок, то не смею я судить. Не эти руки выкидывают, да, может быть, не эти только, а те далекие, неизвестные миллионы бедных рук, и глядят на это миллионы тех же, не знающих, в чем дело, но голодных, исстрадавшихся глаз, которые видели, как гарцевал статный и кормленый барин».

Привилегированный класс должен был ожидать мести безжалостной и жестокой, как того заслужил. Поэтому-то он пишет З. Гиппиус: «Не знаю (или — знаю), почему Вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами, которых было очень мало — могло быть во много раз больше». Сам же он, принимая величие, принимал и гримасы и даже освящал их: «Я у каждого красногвардейца вижу ангельские крылья за плечами». Недаром в поэме: «Черная злоба. Святая злоба».

Нам кажется, что слова Блока, взятые эпиграфом к этому очерку, чрезвычайно важны для понимания блоковской поэмы. То, что Блок считал «второстепенным» в себе, было наверху, всем, во всяком случае, многим, если не понятно, то известно. «Главного» же большинство в нем не подозревало и не ожидало. А когда увидели — не захотели поверить в органичность, оправданность всем прошлым опытом появления «Двенадцати».

Стоит ли сейчас перечитывать старую прессу, когда нам и так достаточно ясна сама поэма и независимо от нее социальная позиция автора? Нам представляется все же интересным из наших дней приглядеться к тогдашним литературным и общественным страстям, вызванным появлением великого произведения. Это яркий пример теснейшей связи литературы с жизнью, еще одно доказательство того, что настоящее искусство в России непременно затрагивало общественную проблематику, перенося споры из сферы искусства в социологию, иногда неожиданно для автора.

Хрестоматийная ныне блоковская поэма «Двенадцать» была напечатана в начале 1918 года на газетных полосах «Знамени труда», и появление ее сразу же стало огромным событием, вызвавшим бурю эмоций, толков, пересудов, проклятий и восхищений. Если сейчас еще, как и любое великое произведение искусства, «Двенадцать» привлекает к себе внимание литературоведов, пытающихся, каждый по-своему, прочесть блоковский шедевр, то тогда, более 60 лет назад, в сложное и небывалое время, когда интеллигенции приходилось решать основной вопрос «с кем быть?», когда ревниво и болезненно следили в обоих лагерях за «перебежчиками»,— тогда прежде всего впились в смысл поэмы: благословил или проклял первый по величине в то время русский поэт революцию? И русская и эмигрантская пресса того времени непрестанно взрывалась откликами, потому что все приняли поэму слишком близко к сердцу, как и саму революцию. Среди критиков были сторонники и противники революции, причем те и другие рассматривали поэму со своих идейных политических позиций, и были немногочисленные, смотревшие на «Двенадцать» только как на художественное произведение.

Читая сегодня 60-летней давности страницы газет и журналов, погружаешься в ту необычайную атмосферу, в которой жил автор «Двенадцати». По свидетельству его биографа и тетки М. А. Бекетовой, Блок внимательно прислушивался ко всем отзывам о поэме. Прижизненные, в большинстве своем известные поэту, они в какой-то мере сыграли свою роль в его судьбе: небольшая, к сожалению, часть откликов радовала его; многие из них, жестокие и несправедливые, тяжко ложились на его душу.

Почти все рецензенты уделяли большое внимание образу Христа в конце поэмы:

*Впереди — с кровавым
флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью
надвьюжной,
Снежной россыпью
жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.*

Известно, что Блок не только не был истово верующим христианином, но его отношение к Христу вообще было очень сложным.

Христа «я не знаю и не знал никогда». «Никогда не приму Христа» — так писал он в дни своей юности Е. П. Иванову, близкому другу. В замечательной силы стихотворении «Люблю высокие соборы...» есть потрясающе кощунственные с точки зрения религии строки:

*В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста*

Эти признания говорят о многом.

Когда в 1919 году Гумилев в присутствии Блока сказал, что концовка «Двенадцати» кажется ему искусственной, а внезапное появление Христа — чисто литературным эффектом, Блок сказал: «Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: «к сожалению, Христос».

В «Записных книжках» Блока за 18 февраля 1918 года (до опубликования «Двенадцати») есть запись: «Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, «достойны ли они его»; а страшно то, что опять он с ними и другого пока нет; а надо Другого?»

После появления поэмы в печати и бури толков вокруг нее появляются в «Дневнике» такие слова: «...Разве я «восхвалял»?.. Я только констатировал факт: если вглядеться в столбы метели на этом пути, то увидишь «Исуса Христа». Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак».

Что можно сказать на основании всего известного нам об отношении Блока к Христу? Почему «к сожалению»? Кто этот «другой»? Догадки тут бессмысленны, потому что собственные блоковские рассуждения на этот счет слишком расплывчаты. Может быть, Христос для Блока, как и Россия, лирический образ («Россия для меня величина лирическая...»)? Во всяком случае, вероятно, в оценке образа Христа не так уж неправ был враждебно принявший поэму критик Ю. Айхенвальд, когда писал: «Помимо тона, заключительный аккорд поэмы, Христос с красным флагом, с кровавым флагом, должен еще и потому приниматься не как насмешка, а всерьез, что здесь слышатся давне знакомые и заветные лирические ноты Александра Блока...»

Другим спорным местом поэмы были сами ее герои — двенадцать красногвардейцев, те самые, что

*В зубах — цыгарка, примят
картуз,
На спину б надо бубновый
туз!*

и которые тем не менее «держат шаг революционный».

«Кучка революционных хулиганов» — именует их М. Алданов. «Истребительская шайка», которой бы более, чем двенадцать, подошло число тринадцать (чертова дюжина)», считает Айхенвальд; «и эти двенадцать — все та же «толстозадая Русь», «Идут убийцы и громилы, люди все знакомые — воротник рубахи отвернут, красная звезда, торчит невинно кончик нагана» — это писал тогда И. Эренбург.

Большевик Н. Осинский, отмечая, что почти вся «интеллигенция встретила революцию дружным из глубин души идущим саботажем», выделил исключение — Блока — создателя поэмы, «которую при всей чуждости духа ее основному тону рабочей революции надо признать лучшим, наиболее ярким произведением последнего времени». Анализируя, почему именно «двенадцать» олицетворяют для Блока революционную массу, Осинский считает, что Блок, не будучи в состоянии проникнуть в психологию пролетария, смог увидеть лишь Ванек и Петек, подобные которым, конечно, тоже принимали участие в революции, правда, не являясь главной ее силой. Критик объясняет принятие Блоком революции, творимой даже такими героями, близостью мировоззрения Блока и Достоевского. Не признавая тезиса о двойственности русской души, критик пишет: «Пусть революцию делают Ваньки и Петьки (только это умеет видать Ал. Блок), но они делают великое дело».

С. Городецкий, сразу же принявший революцию, а потому радостно встретивший появление «Двенадцати», расценивая его как подвиг, хотел, чтобы Блок «раскрыл свои уста и за двенадцатью увидел миллионы».

Мариэтта Шагинян писала о поэме: «Двенадцать — это символ народа. И потому их двенадцать (безымянных), а не один и не три, что Блок взял соборное, народное, стихийное начало революции. И потому эти двенадцать идут (они все время идут в поэме, безостановочно), что Блок взял динамику революции, взял ее, как движение».

Поэма прокатилась по всей стране, отклики на нее появились и в центральной прессе, и за рубежом, и в провинциальных изданиях. Журнал «Русское приволье», издававшийся в Перми, информировал своих читателей о новой поэме А. Блока, которую «здесь, в Перми, не удалось прочесть почти никому, потому что благодаря необычным условиям сообщения она доехала сюда, может, в количестве 1—2 экземпляров». Пересказав содержание поэмы, автор статьи заключает: «Мы не хотим давать никаких комментариев к идее этой поэмы, не станем ни спорить, ни соглашаться с нею, не будем углубляться в ее мистику, не будем срывать реальные покровы со всех ее образов, чтобы выявить символы. Нам дороги именно эти живые обличья, эта внешняя выразительность вещей, которую создать может только художник, и цель нашей краткой заметки была лишь в том, чтобы познакомить читателей с наглядными и сильными образами современности, какие дает Александр Блок».

Следует отметить, что среди огромного количества рецензий, преимущественно [illegible] откликавшихся на блоковскую поэму, встречались попытки более глубокого проникновения в мировоззрение автора. Для этого анализировались статьи Блока 1907—1918 годов, в которых он непрестанно осмысливает необходимость преодоления «недоступной черты» (по пушкинскому определению), лежащей между народом и интеллигенцией.

Наиболее интересной в этом плане была статья М. Левидова в «Правде». Анализируя на материале статей поэта, как сквозь «индивидуальное» пробивалось у Блока «общественное», рассматривая этапы 10-летних исканий Блока, которые зафиксированы им в статьях 1908—1918 годов, утверждая, что именно в них — ключ к поэме «Двенадцать», Левидов пишет: «...Блок не только призывает слушать — он слушал сам. Итогом этого явилось величайшее достижение его поэзии и в то же время русской поэзии после Пушкина, Некрасова, Тютчева,— его поэма «Двенадцать». Блоку, считает рецензент, удалось «преступить «недоступную черту» и в художественных образах выявить душу народа, или, что то же, душу революции». Эта статья была известна Блоку — есть помета его в «Записных книжках».

И, наконец, были среди рецензентов и такие, которые (принимая или не принимая революцию) сумели увидеть в поэме творение великого художника. «Самая значительная черта этой поэмы в том, что поэту удалось соединить поэтическую идеализацию большевистской России с крайне свободным от всяких прикрас реализмом ее изображения».

«Какою бы ни стала Россия, с любовью и верою примет ее поэт в свою душу. Но примет не рабски, преклонившись перед ней, как чем-то внешним, стоящим перед ним. Нет, примет поэтически, преобразив ее в своей душе, душе творческой».

С годами страсти утихали, сделав, впрочем, свое дело... В 1920 году появились уже такие статьи: «...теперь на третьем году после издания «Двенадцати» можно судить и разбирать эту поэму более или менее бесстрастно. В свое время мы, дышавшие воздухом первой революционной волны 1917—1918 гг., восприняли «Двенадцать» как одно из тех величественных явлений, которыми дарила нас бурная действительность. Теперь можно несколько установить историческую перспективу — и, отвлекшись от «общественного» значения поэмы, заняться вопросами ее «композиции»...»

Но от «общественного» значения блоковского шедевра, как показало время, отвлечься было трудно. Шли годы, а споры не утихали. После смерти Блока в 1921 году кое-кто пытался убедить общественное мнение в том, что Блок чуть ли не отрекся в конце жизни от «Двенадцати». Нам неизвестны какие-нибудь высказывания Блока, подтверждающие эти слухи. Известно же, что, закончив поэму 29 января 1918 года, он записал в «Записных книжках»: «Сегодня я — гений». Допустимо, что было сказано по горячим следам. Но известно и другое — его «Записка о «Двенадцати», датированная 1 апреля 1920 года:

«...в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией...»

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Наблюдая, как Тадава размешивал кофе с сахаром в маленькой чашке, женщина, улыбаясь тому, далекому, продолжала:

— Истерика, конечно; валериановые капли, вызов врача, он неумолим; я чуть не плачу: «Павел Владимирович, ну, пожалуйста, не надо, они же напишут что бог мне подумает». А он петровскими глазищами на меня уставился: «Пусть думают что угодно, мы один работать!»

— Почему «петровскими»?

— У Петра Великого были круглые глаза. У Павла Владимировича точно такие же... Их вообще часто путали с Симоновым...

— С Константином Михайловичем Симоновым?

— Ах, вы еще молоды! Петра Первого сыграл Николай Симонов, замечательный актер, мы с Павлом Владимировичем и Игорешей пять раз смотрели этот фильм.

— А почему вы не вышли за него замуж? — спросил, осмелев, Тадава.

— Потому что я слишком любила его, — тихо ответила женщина. — Игорек бы не понял Павла Владимировича, он любил бабушку, мальчики всегда очень любят бабушек... Павел Владимирович слишком гордился Игоречком, разве я могла претендовать на эту никчемную формальность? Разве любовь выявляется регистрационным штампом? Мужчина, подобный Павлу Владимировичу, мог любить тогда лишь, когда чувствовал себя свободным, как говорил Салтыков-Щедрин, говорил он, самое это понятие породили мужчины. Я с ним соглашалась. — Она вдруг улыбнулась. — Впрочем, я была согласна со всем, что он говорил, я боготворила его...

— Простите мой вопрос, Серафима Николаевна, — сказал Тадава, — если он покажется вам грубым — не отвечайте, только не сердитесь, ладно?

— Вы хотите спросить, не было ли мне больно, когда он говорил «покойница жена» и уходил в спальню к жене?

— Я хотел спросить именно это.

— Как вам сказать... Я помню, как Игорек пришел с экзамена расстроенный, ему поставили «хорошо», а он ведь был у Павла Владимировича круглый отличник. Преподаватель задал ему вопрос, какой будет семья будущего, а Игорь ответил, что ее, видимо, не будет вовсе... Павел Владимирович тогда успокаивал Игорька: «Слабое старинный год, в мире тревожно, семья — это дети, а дети — это армия, нельзя упираться головою в догму, даже если она истинна, как мысль любимого гения». Но он убеждал Игорька как-то очень истерично, в нем тогда не было его сокрушающей силы; он же инвалид, слаб здоровьем, но невероятной силой духа... Вот видите, как я вам отвечаю... Моя покойница чтит Кантильоном... Для мужчины, его с а м о г о мне были дороже всего остального... Плохо! Ну, что ж, конечно, мы взрослые люди — было больно. Но если любишь — можно хоть не дышать, вот не зря в России держали невысокая сытость, говорил Павел Владимирович, рождает похоть.

— Серафима Николаевна, а вы бы не согласились к нам в гости приехать? К моей жене и ко мне! Саша — доктор, мне бы очень хотелось, чтобы она посмотрела на вас и вас послушала.

Женщина нахмурилась, лицо ее как-то погрубело, появилась в нем замкнутость.

— Но я хочу, чтобы вы меня верно поняли: такое отношение женщины может заслужить человек, подобный Павлу Владимировичу. Я других таких не встречала.

— А почему его жена...

— Жены, — сразу же поправила Серафима Николаевна. — Он был женат дважды.

— Ну, хорошо, а отчего его жены не смогли понять его?

— Потому что они были избалованы и, видимо, не любили его. Разве можно любить человека и при этом писать на него жалобы в академию? Это же психология купчих, это же кисейные барышни, рестораны, а не женщины.

— Серафима Николаевна, я готов у вас сидеть вечность, но у меня к вам еще один вопрос... Трифон Кириллович... жив?

— Очень плох. Я была у него вчера в госпитале... Очень плох.

— Сердце?

Женщина грустно улыбнулась, и вновь лицо ее стало мягким.

— Возраст...

— Но я могу к нему попасть?

— Очень нужно?

— Очень. В какой-то мере это касается судьбы товарища его внука...

Серафима Николаевна посмотрела на часы.

— Меня к нему пускают в любое время. Он шутит: «Как дважды Герою, мне обещано место на Новодевичьем, а туда не каждый день разрешают посещение, так что пусть Симочка навещает меня постоянно». Особое поколение, особые люди...

— Помните Николая Тихонова: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей».

Уже в машине Серафима Николаевна отрицательно покачала головой.

— Я очень люблю Тихонова, он прекрасный поэт, но если бы сделать анализ химического состава этих «гвоздей», то прежде всего обнаружили бы там кровь... То поколение было невероятно, бесконечно ранимо; у них был крепкий характер, они умели скрывать слезы и не показывать боли, но внутри этих «гвоздей» были кровь и слезы, поверьте мне...

II

Трифон Кириллович лежал на высоких подушках, на стене был укреплен кислородный баллон. Пахло, однако, в палате одеколоном. Тадава прочел надпись на флаконе: «Судя по запаху».

Трифон Кириллович заметил его взгляд.

— Вот уж как двадцать лет мне приносят в подарок именно этот одеколон ученики, раньше в звания из Вадика и Кости, теперь они генералы; один жив, другой погиб, но, к счастью, остались Вадимом и Костей... Итак, прошу вас не мешать скупать, излагайте предмет вашего интереса.

Выслушав Тадаву, Трифон Кириллович долго молчал, потом ответил:

— Важный и нужный вопрос. Объясните, пожалуйста, каким образом объединяется этот узел: битва за Бреслау, мародеры Власова, судьба Игоря и его товарищей?

— Мы сейчас разбираем ряд преступлений, страшных преступлений, нам необходимо поэтому проследить возможный путь Милинко, который служил вместе с Игорем Саврухиным: от Бреслау — в тыл. Неподалеку от Бреслау был убит Григорий Милинко, красноармеец из роты морской пехоты Игоря, а убийца жил у нас по его документам... Живет по его документам по сей день — так точней.

— Так, так, страшное...

— Верно. Поэтому нас интересует: какие власовские части были брошены в Бреслау, почему именно в последние месяцы войны, отчего в тот город? Нам важно узнать, где могут храниться материалы на этих мерзавцев, их личные дела, фотографии... Нам важно также получить все, что можно, о наших частях, сражавшихся за Бреслау, о тыловых соединениях, находившихся в сорока километрах к западу от фронта. Мне надо вычертить маршрут Милинко, настоящего, а не того, который сейчас живет под его именем...

— Вы в нашем военно-историческом архиве уже поработали?

— Да.

— Значит, обстановку представляете?

— В общих чертах.

— Изучите не в общих чертах, вплоть до полка. Копайте в архиве батальона, роты морской пехоты, в которой служил погибший, тогда докопаетесь, тогда сможете выстроить точный маршрут. Цепляйтесь за расположение сибиряков Милинко, как я понимаю из письма Игорька, получил отпуск в связи с орденом и легким ранением. Вроде бы так?

— Я поражаюсь вашей памяти, — сказал Тадава.

— Напрасно. Привычка — вторая натура, она вырабатывается профессией, иначе невозможно писать... И потом, вы считаете, что старик совсем стар? Мол, умирает в последнюю очередь, дух или нижний, поминальный плачь, — он хохотнул, — отмахивает... Так вот, установите все медсанбаты, все регулировочные пункты; где базировались комендатуры, откуда шли эшелоны в тыл. Нанесите эти данные на карту, и у вас возникнет перед глазами картина, но встречайтесь с ветеранами — кое-кто еще остался, не все мы повымирали, найдете, если только приложите в с е силы... Что же касается вашего вопроса о власовцах в Бреслау... Очень интересный вопрос... Туда были брошены звери, понимаете? Звери, готовые на все. Они боялись нашей победы больше, чем иные немецкие генералы, — за каждым из них не только кровь и палачество; за каждым — предательство. Я подобрал много материалов об этих мерзавцах, можете познакомиться в академии, я покажу куда — вам все помогут. Но я не успел дописать... Вряд ли успею...

Серафима Николаевна, изредка поглядывавшая на часы (она сидела у окна и не мешала разговору мужчин), сказала раздраженно:

— А кто это за вас сделает, хотела б я знать, Трифон Кириллович?

— В «Академии» никто... Впрочем, что это я? Конечно, кто-нибудь да сделает, но я был очевидцем, невероятна разница между документом о событии и свидетельским показанием очевидца... Почему в Бреслау? — повторил он, взял шланг с кислородом, подышал, причмокивая к губам черный аппаратик распиратора, продолжил: — Потому что Бреслау — это польский город Вроцлав. Понимаете?

— Нет.

— Гиммлеру надо было бросить именно власовцев на защиту древнего славянского города от наступающих славян. Вдумайтесь в нашу пропаганду: «Мы, русская освободительная армия, одетая в наши шинели и вооруженная нашими автоматами, будем защищать от русских славянский город Вроцлав, который на самом деле есть Бреслау и должен им навсегда остаться...»

Почему съезд «Комитета за освобождение народов России» Гиммлер приказал провести в Праге, в славянском издательском городе? Для того, чтобы показать чехам и словакам: «Вот как мне служат славяне, берите с них пример. Сыты, обуты, при оружии — поторопитесь, чехи и словаки, а то будет поздно».

Гиммлер в середине сорок четвертого еще верил в возможность торга, он думал, что они смогут выкарабкаться. Значит, они смогут довести до конца свой план уничтожения славян, евреев и цыган. А что дальше? Гиммлер, бросив власовцев в Прагу, Вроцлав, Белград и другие славянские города, полагал, что это вызовет там, в братских славянских странах, резкие антирусские настроения. То есть конечный его план сводился к тому, чтобы вбить клин в славянское братство.

Трифон Кириллович показал пальцем на тумбочку.

— Полистайте-ка эту папочку, любопытнейший документ. «Второй международный конгресс свободных журналистов в Праге», состоялся в июле сорок третьего... Вслух давайте, кто выступал, темы выступлений...

Тадава начал читать:

— Альфред Розенберг, рейхслейтер и рейхсминистр: «Мировая борьба и всемирная национал-социалистская революция нашего времени».

— Отсюда потом начитаете спрыгнуть, очень любопытно. Дальше.

— Кнут Гамсун «Борьба против Англии». Какой Гамсун?

— Удивляетесь? Сколько вам лет?

— Тридцать три.

— Господи, сорок шестого года! Тот самый Кнут Гамсун, увы, тот самый... Дальше.

— Вернер Майер «Европейская европейское единство». Георгий Серафимов «Антибольшевистская борьба болгарской прессы». Иво Хими «Хорватия — граница Европы».

— Примечательно! Столкнули лбами хорватов и болгар.

Тадава продолжил:

— Аладар Ковач. «Словацкая пресса в борьбе против большевизма».

— И словаком себя шельмы, близко к болгарам, иншоне!

— Владислав Ковецкий, руководитель польского отдела агентства прессы генерал-губернаторства «Телепресс», тема выступления — «Катынь — история одного финала».

— А это вообще страшный человек, считавший себя поляком, славянином, работал, как руководитель «польского» отдела в «генерал-губернаторстве»! Вы знаете, что это такое «генерал-губернаторство»!

— Так, по-моему, нацисты называли Польшу...

— Молодец, майор. Верно. Можете читать дальше — ни одного русского человека не было на этом «международном» конгрессе, а ведь власовцы выпускали свои газетенки, почище болгар и хорватов антисоветчину печатали, кровавую, сказал бы я, антисоветчину. Почему же их в сорок третьем не пустили в Прагу? Почему, гневно бросающие славян, отталкивали главных? Почему?

— Не знаю.

— Потому что не был еще известен исход Курской битвы. Потому что гитлеровцы еще сидели в Смоленске и Орле, третий год войны; потому что они держали Севастополь; Ленинград еще был в блокаде... Они поэтому могли еще стоять на своей исконной позиции презрения антирусского — вот, по-моему, в чем дело. И лишь осенью сорок четвертого, когда мы вышли к Висле, они собрали в Праге «русских»... Ну... Устал. Симочка, майор, идите-ка домой, а! — Он посторонился, добро закрыл глаза на подушках, потом закашлялся кашлем.

Серафима Николаевна бросилась к нему, протянула распиратор с кислородом, приподняла голову — каким-то особым, ласковым, нежным, но в то же время сильным движением, он отдышался, лицо, однако, стало синеватым, отечным.



Положив ладонь на руку Тадавы, он медленно, очень трудно заговорил:

— Я почему так оплакиваю, когда пролагаю эту тему, майор! Я русский, до последней клеточки своей русский, поэтому ненавижу шовинизм. Противники только и ждут обвинения, это ведь меня Гиммлер с Розенбергом! Западники они не давно, шнур тогда же подпалили, и последыши по сей день надеются на время. Вы почитайте у меня на кафедре, что власовцы писали... Что им писали хозяева — так точнее... Мы плохо изучаем политическую разведку прошлого века — я имею в виду разведку Западной Европы, которая формулировала для политиков концепции. Один французский историк, связанный с Елисейским дворцом весьма тесно, в середине прошлого века утверждал, что русские — не славяне, а туранцы, внешнее сходство с французами и немцами — чистая случайность, пребывание этой нации в Европе опасно для будущего мира. «Русские особые люди, они должны жить у себя, общение их с Европой опасно для Запада, лишено какой-либо необходимости, пусть варятся в собственном соку...»

Другие западные философы проводили связь между русским православием — в прошлом веке именно православие считалось выразителем русского духа — с религией Зороастра, с восточной религией, поскольку, дескать, особые несходства русским человеком с интересом и непредсказуемы. Ну ладно, с дьяволами — это смешно, но ведь тенденция очевидна — только отвернуть нас от Европы, поддерживать теорию о какой-то нашей отличности от остальных европейцев! Гениально великий русской культуры понял Тургенев и высказал эту странность — в замечании о Гете. Именно он говорил, что для Гете последним словом всего земного было «я». Для его Фауста не существовало ни общества, ни человеческого рода. Он погружен в себя, он от себя лишь одного и ждет спасения... Каково! Тургенев этой точной критикой очерчивает нашу самость, но, заметьте, как он это тактично сделал, как тонко высказал его не свои мысли! Да, мы Европа, да, мы при этом и Азия — в этом и лишь в этом наша самость, и она определяется вовсе не чем-нибудь, а прекрасным словом с о в е с т ь.

Трифон Кириллович говорил жарко, приестал даже на локтях, подавшись вперед, к майору.

Тадава чувствовал себя неловко, он боялся за старика — тот был бледен, лоб в испарине, он не знал, как ему следует поступить, взглянул вопрошающе на Серафиму Николаевну.

— У товарища Тадавы непременно возникнут к вам вопросы, — сказала та. — Я его буду к вам приводить, хорошо?

Трифон Кириллович поцеловал женщине руку, положил ее ладонь себе на лоб, шепнул:

— Спорить с Пашиным встречусь.

— Не уходи! — сказала Серафима Николаевна. — Стыдно!

В коридоре села на скамейку, лицо закрыла руками, но плача Тадава не слышал.

«Как же счастлив был тот человек, которого она дарила такой дружбой! — подумал он. — Какие же прекрасные годы прожил Павел Владимирович... А Игорек его не понимал... Как же сердце у старика разрывалось, а!»

Казахское побережье Балтийской черноморской здравницы. Работа VII

В холодной чебуречной, напоминавшей горячего чая — здесь, в горах, было студено, не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22 — 29.

то что в Сухуми,— Костенко надел очки и начал медленно читать предварительное заключение экспертов и первые допросы, проведенные следователями.

Люди входили и выходили из дощатой, насквозь продуваемой ветром чебуречной; тягуче медленно визжала дверь, не смазанная ни осенью, ни весною; инструкцию, видать, не успели спустить. Костенко хмыкнул: «По отношению к Рице надо говорить — «не успели поднять», здесь же горы, а начальство сидит внизу, в Сухуми, на побережье. Смешно: «сначала поднимите нам инструкцию, а потом мы двери смажем». Как такое перевести на иностранный язык? Не поймут ведь. Даже Салтыкова-Щедрина понять не могут, самого великого нашего писателя,— если отсчет начинать с Пушкина, понятное дело. Толстой писал про мир, Достоевский конструировал личность, отталкиваясь от общечеловеческих проблем, а Салтыков, Лесков и Успенский писали о России — потому-то и не знают их на Западе...»

Костенко долго читал описи обнаруженных вещей, первые допросы свидетелей и заключения экспертов, а потом отодвинул от себя папки, поднялся и сказал:

— Это все поверхностно. Тут не за что зацепиться Серго, пошли еще раз место посмотрим.

.Заинтересовали его лишь две вещи' полусапожки, в которые была обута неизвестная женщина, и кофточка.

Он долго рассматривал этикетку — немецкая фирма, прочесть толком невозможно.

А вот в полусапожках, подняв сгнившую стельку, он увидел следы фабричного клейма: «Ир у. с. а. бу. на. фаб.. к.»

Костенко обернулся к одному из сотрудников, приехавших вместе с Сухишвили

— Составьте, пожалуйста, такую телеграмму: «Иркутская обувная фабрика. Срочно сообщите ГУУР МВД СССР полковнику Костенко, когда ваше предприятие начало изготавливать зимние полусапожки, черные, на меху белого цвета, с простроченным рантом и узором, типа «снежинка». Прошу сообщить также, в какие области страны ваша продукция этого типа была отправлена летом — осенью прошлого года — до середины октября включительно. В связи с тем, что речь идет об особо опасном преступлении, ответа жду немедленно. Костенко».

— Когда отправлять? — спросил помощник Сухишвили, молоденький, чересчур расторопный лейтенант.— Если срочно, мне надо ехать вниз; здесь отделение связи еще не работает.

— Тогда заодно проявите фотографии сапожек и немедленно отправьте в Кокандский уголовный розыск капитану Урузбаеву для предъявления тетушке Петровой...

— Так и · написать — «тетушке Петровой»?

Костенко усмехнулся, покачал головой:

— Молодец...

Он достал записную книжку, заведенную специально для этого дела, пролистал страницы и продиктовал:

— Для предъявления Клавдии Егоровне Еремовой, единственной установленной родственнице Анны Кузьминичны Петровой. Пусть Урузбаев спросит: в сапожках ли ее навещала племянница прошлой осенью? Если Клавдия Егоровна ответит положительно — можно предъявить фото. В противном случае — не надо, пусть тогда о кофточке поговорит

— Пленка цветная, товарищ полковник, но печатаем черно-белые фото, аппаратура еще не подошла, ждем..

— Эхе-хе,— вздохнул Костенко — Нет на нас розг... Или кнута... Впрочем, если появится, будем стенать по тому времени, когда пытались уговором, добром и лаской... Я ведь полгода как завизировал приказ о передаче вам цветной аппаратуры, неужели нельзя быть порасторопнее?

— Можно, товарищ полковник,— ответил лейтенант,— мы приезжали в Москву, но хозяйственники сказали, что такого рода аппаратуру надо отправлять в сопровождении; мы согласились, выделили человека, тот приехал, но они сказали, что у них на складе нет материально ответственного — в отпуску Приехали через месяц, тот человек появился, но ушел в отпуск бухгалтер склада, а без его закорючки тоже ничего не получишь. Мы через месяц снова приехали, но тогда начальник склада ушел на пенсию, нового назначили, а заместитель отказался подписать накладную без того, чтоб вы вторично завизировали, а вы были в командировке, так мы ни с чем и уехали...

— Но ведь заместитель мой был?!

— Он-то подписал, но складской ответил, что для него действительна только ваша подпись.

— Значит, так,— жестко сказал Костенко.— Напишите на мое имя рапорт, приложите билеты, подсчитайте, сколько денег прожили по командировочным в Москве, и передайте полковнику Сухишвили. Он знает, как переслать мне — по служебным каналам, официально. Я добьюсь, чтобы взыскали деньги с наших волокитчиков и переведу на счет грузинского угрозыска. Но сейчас — не знаю как, любым путем — сделайте, пожалуйста, цветное фото кофточки, она запоминается только в цвете; предлагать для опознания в черно-белом варианте нет смысла.

Ночью, вернувшись в Сухуми, Костенко прочитал Сухишвили набросок оперативно-розыскного плана.

— Только не перебивай, Серго. Дослушай, а потом вноси предложения.

— Я весь внимание, не пророню ни слова, клянусь матерью.

— Браво,— сказал Костенко и откинулся на спинку кресла, прислушался к шуму моря за окном, смеху курортников и далекой музыке.— Итак, убитой является женщина примерно двадцати восьми — тридцати двух лет. На обнаруженных частях тела следов от ран нет — следовательно, убили ударом в голову. Расчленена острым топором...

— Или кинжалом,— заметил Сухишвили.

— По приблизительным прикидкам экспертов, рост покойной мог составлять сто пятьдесят пять, сто шестьдесят сантиметров. На трупе была шерстяная импортная кофточка черного цвета с красными продольными линиями. черное платье — этикетка сгнила, установить фабрику невозможно — и черные полусапожки. Так?

— Так.

— Опираясь на показания пасечника Шуравия, мы вправе полагать, что убийство совершено в конце ноября или в начале декабря, перед самым закрытием сезона, когда снег отрезает Рицу. Так?

— Так.

— Выдвигаю версии. Первая: убийство могли совершить люди, проживающие в районе Рицы.

— Исключено.

— Ты же обещал не перебивать меня?

— Хорошо, оставь, мы отработаем твою версию, но это пустая трата времени.

— Второе: женщину могли убить приезжие или приезжий, с которым покойная познакомилась по дороге на Рицу. Третье: убийство могли совершить преступники-гастролеры. Четвертое: убийство мог совершить любовник, желавший избавиться от случайной связи, узнав, что женщина беременна. И, наконец, пятое, если мы допустим, что убитой является Анна Петрова, убийство мог совершить Милинко, ибо очень похож и рост убитой и возраст, да и манера убийства идентична магаранской

— Какой ему был смысл убивать?

— Чтобы избавиться от свидетеля. Чтобы развязать себе руки для новых преступлений; два человека — это и есть два человека, а один да еще зверь, куда как страшнее, потому что мобильней..

Предложения Первое: ты прочесываешь весь район — надо найти... постараться найти орудие убийства. Второе: твои люди просматривают регистрационные книги в гостинице Рицы — все, кто останавливался в последних числах ноября или в декабре, должны быть опрошены, Фотография Милинко, весьма некачественная, как и фото Петровой — без очков и с другой прической,— единственное, что мы пока что смогли получить,— присылаю тебе для бесед с теми, кого ты установишь из приезжавших сюда глубокой осенью, так?

— Постараюсь...

— Почему, однако, я вцепился в версию убийства именно Петровой? Объясняю: женщина приехала в полусапожках, значит, приехала с севера или с востока, купить тут у вас хорошую летнюю обувь — то же, что мамонта откопать в Евпатории

— Почему, у фарцовщиков можно.

— Если это Петрова, если ее убил Милинко, так называемый Милинко, то он с фарцовщиками связываться не станет: слишком осторожен Он будет покупать только в магазине, Серго, поверь мне. Я где-то чувствую этого человека, я настроился на него, он боится случайных контактов, он осторожен, как зверь, понимаешь?

Телеграмму Урузбаева из Коканда передали Костенко уже в Москве: «Еремова не помнит, в чем была одета племянница, крайне обеспокоена, что до сих пор от нее нет писем Ни полусапожки, ни кофточку с уверенностью опознать не могла, ибо плакала, спрашивая о судьбе любимой и единственной племянницы».

«Урузбаеву. В вашем первом рапорте упоминался некий «внук Ирочки». Кто он? Жив ли? Если жив, каков его адрес? Костенко»

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. «Внуком Ирочки» является штурман дальнего плавания Егор Львович Пастухов, проживает по адресу: Рига, Советская, 5 12. Капитан Урузбаев».

«МВД СССР, уголовный розыск полковнику Костенко. На запрос 52 3 сообщаем, что наша фабрика начала выпуск кожаных меховых полусапожек черного цвета с узором типа «снежинка» в третьем квартале 1977 года. По накладным 542 Ш-45, 592 Л-11, 72/345-К-2 партии полусапожек в количестве семи тысяч штук отправлены в Якутскую область, Хабаровский край и Магаранскую область. Заместитель директора Иркутской обувной фабрики по сбыту Куяметов».

«МВД. Полковнику Костенко. Партия черных полусапожек иркутской фабрики была получена магаранским горторгом 12, 13 сентября и 4 и 12 октября. Реализовывались в магазинах номер 7 и 3. Магазин № 3 расположен в ста пятидесяти метрах от дома, где проживала Петрова. Предполагаю начать работу через продавцов и по линии бухгалтерии, поскольку сапожки были в городе большим дефицитом, получали их, как правило, из-под прилавка. Срочно требуется фотография Петровой, но не та, которую мы изъяли из ее личного дела — даже близкие знакомые не признают в ней Петрову — без очков и с длинными волосами. Установлено, что ее фотография в личном деле была шестилетней давности, когда она только устроилась на работу. Майор Жуков».

«МВД СССР, ГУУР, Костенко. В настоящее время Е. Л. Пастухов находится на сухогрузе «Глеб Успенский» в качестве второго штурмана. Судно следует рейсом из Сингапура с заходом в порт Неаполь 29 мая с. г. Дальнейший рейс будет зависеть от «Совфрахта». Опросом соседей установлено, что Пастухов, не разведясь формально со своей женой Н. Н. Пастуховой, уже полтора года живет отдельно. Отзывы о нем самые хорошие. В службах пароходства характеризуется с самой положительной стороны. Виновным в разрушении семьи его не считают. Подполковник Струминьш».

«МВД ЛССР, подполковнику Струминьшу. Где жил Пастухов, когда приходил из рейса? Костенко».

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. Во время отпуска штурман Пастухов останавливается в доме своего друга, первого помощника капитана «Глеб Успенский» Котова Р. Г. Однако, как сообщила жена Котова, весь свой багаж — один чемодан и портфель с письмами и фотографиями — он забирает с собою в рейс. Подарки, которые приобретает на валюту, передает через дочь Котова своему семилетнему сыну, ибо жена отказалась показывать ему ребенка, несмотря на то, что у нее постоянно живет любовник, кандидат

Бассейн «Олимпийский» * Спортивный комплекс Советской Армии. Баскетбольный зал.





философских наук Захватаев. Подполковник Струминьш».

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. НТО дало заключение, что в тайнике на квартире Петровой хранился золотой песок. Путем повторного осмотра квартир Петровой и Милинко нам удалось взять два отпечатка пальцев, принадлежащих мужчине. По картотеке не проходят. Высылаю рейсом 231 с командиром корабля Ефремовым; перед вылетом уведомлю звонком, прошу встретить. Майор Жуков».

Москва. Работа-VIII

Костенко протянул генералу радиограмму: только что вернулся из Министерства морского флота, беседовал по радио с Пастуховым в течение получаса, больше не разрешили, и так, сказали, «из-за уважения к угрозыску, цените и помните, когда наших обчистят, будьте особо внимательны».

Генерал читал, помогая себе карандашом, водил по строчкам, иногда карандаш замирал, и Костенко поэтому мог определять, на чем споткнулся его шеф.

«Костенко: — Товарищ Пастухов, здравствуйте, я беспокою вас в связи с вашей родственницей, Анной...

Пастухов: — А в чем дело?

Костенко: — Уехала в отпуск и подзадержалась, тетушка ваша волнуется, мы начали поиск.

Пастухов: — Эх, Анна, Анна...

Костенко: — Вы что-нибудь предполагаете?

Пастухов: — Да ничего я не предполагаю, жаль бабу, несчастный человек.

Костенко: — У вас много ее фотографий?

Пастухов: — Есть.

Костенко: — Когда она последний раз присылала вам фото?

Пастухов: — Не помню..

Костенко: — Она была на этом фото в очках и с короткой стрижкой?

Пастухов: — Да.

Костенко: — В черненькой кофточке с красными поперечными полосками?

Пастухов: — Нет, в купальнике...

Костенко: — Так она что ж, с моря вам присылала фото? В ноябре?

Пастухов: — Да.

Костенко: — Она одна на фото или с приятелем?

Пастухов: — С каким?

Костенко: — Она вам ничего не писала? Имени его не называла?

Пастухов: — Нет. Погодите, нет, она что-то писала: мол, Гриша невероятный человек и, мол, скоро она меня обрадует приятной новостью. Вообще странное письмо. Кто такой этот Гриша?

Костенко: — И мы этим заняты, товарищ Пастухов. Раньше она вам о нем не писала?

Пастухов: — Писала года четыре назад, мол, познакомилась с прекрасным, надежным, сильным человеком, а потом как отрезало, ни разу про него не говорила, и вот снова: «Гриша», «радость».

Костенко: — Говорила? Или писала?

Пастухов: — И то и так. Она прилетала ко мне года три назад в Ригу.

Костенко: — Одна?

Пастухов: — Одна.

Костенко: — Жила у вас?

Пастухов: — Нет.

Костенко: — Где вы встретились?

Пастухов: — В кафе.

Костенко: — Она вас просила о чем-то?

Пастухов: — Это может быть связано с ее пропажей?

Костенко: — Да. Вы понимаете, видимо, мой вопрос?

Пастухов: — Да, я понимаю. Но я сказал, чтоб она выбросила это из головы.

Костенко: — Она просила вас взять с собою кое-что в рейс и там обменять, я вас верно понимаю?

Пастухов: — Верно. Но до этого не дошло. Я сразу отказал...

Костенко: — Вы не помните, за соседним столиком, рядом с вами, не сидел мужчина, крепкого кроя, лет пятидесяти?

Пастухов: — Да разве сейчас вспомнишь?

Костенко: — Очень бы надо. В кафе ее вы пригласили или она?

Пастухов: — Конечно, я.

Костенко: — Как вы туда добирались? Пешком или на такси?

Пастухов: — На такси.

Костенко: — Аня вас оставляла, когда вы сели за столик?

Пастухов: — Не помню... Погодите, кажется, она уходила... Ну, в туалет, причесаться, губы подмазать, женщина ж...

Костенко: — А она потом не просила вас поменяться местами: дует, например, или солнце бьет в глаза?

Пастухов: — Погодите, погодите, просила, именно так и сказала: «дует». У нее ведь сосуды больные, все время кутается...

Костенко: — И теплую обувь начинает очень рано носить, еще в сентябре, да?

Пастухов: — Шерстяные чулки, во всяком случае. Это с детства у нее, росла в Белоруссии,— он кашлянул, потом добавил иным голосом,— голод, то есть... нехватка некоторых высококалорийных продуктов...»

Карандаш генерала замер. Костенко поднял глаза на шефа — тот молча колыхался в кресле от тихого смеха:

— Какова бдительность, а?! Эк он себя ловко поправил... А чего скрывать: до середины пятидесятых годов Беларусь, да и не только она одна, жила впроголодь. Вы очень ловко вели с ним беседу, великолепно, Владислав Романович... Но вы пришли с каким-то предложением?

— Пожалуй, правильнее будет дочитать до конца запись радиобеседы, а потом я изложу соображения. .

— Я понял вас,— откликнулся генерал.— Но, увы, если понял вас верно, обрадовать ничем не смогу.

И снова карандаш начал медленно ползать по строчкам.

«Костенко: — Товарищ Пастухов, вы не смогли бы из Неаполя подлететь с вашим альбомом в Москву? На день-два

Пастухов: — С радостью. Если на неделю — того лучше, мы будем в Неаполе стоять под загрузкой дней десять. Только как с билетом? Валюты у меня мал... (он снова резко оборвал себя, поправился) не слишком много...»

Генерал снова заколыхался в кресле:

— Нет, положительно наши моряки умеют работать с кадрами. Я, признаться, поначалу решил, что вы попроситесь в Неаполь, и я был бы вынужден вам отказать, потому что,— подражая Пастухову,— валюты у нас мал... то есть вовсе нет — на третий квартал. Понятно? Я вещи называю своими именами, хотя разделяю ваше желание полюбоваться Везувием.

— Я уже любовался им.

— Когда?

— Три года назад, туристская поездка.

— Я думаю, мы сможем послать в Рим обменный ордер Аэрофлота. Так что с полетом сюда Пастухова проблем не будет. А он вам нужен? По-моему, вы получили все, что могли. Альбом возьмет аэрофлотовец: от Рима до Неаполя три часа езды, никаких сложностей.

— Вы думаете, Пастухов как свидетель исчерпан?

— Дайте дочитать.

«Костенко: — Спасибо. Это будет очень важно, если вы прилетите. Можете спросить разрешение у капитана сразу же?

Пастухов: — Капитан рядом, он слышит наш разговор.

Костенко: — Вы часто виделись с Аней?

Пастухов: — Редко.

Костенко: — Сколько раз за последние годы?

Пастухов: — У тети на ее семидесятилетии, в Коканде, потом она ко мне прилетала в Ригу, а до этого в Ленинграде. Когда она защитила диплом, я к ней приехал — хоть один свой человек.

Костенко: — Она вам жаловалась на одиночество?

Пастухов. — Мы не были так близки...

Костенко: — А ее друзей вы знаете?

Пастухов: — У нее, мне кажется, не было друзей.

Костенко: — Как же так?

Пастухов. — Разные люди живут на земле...

Костенко: — Вы не обратили внимания, в кафе, после того как она вышла в туалет, ничего в ней не изменилось?

Пастухов: — То есть?

Костенко: — Ну, может, говорить стала громче или, наоборот, тише, может, попросила вас заказать что-нибудь особое, какое-нибудь марочное вино или шоколадный торт?

Пастухов: — Погодите, она и впрямь попросила меня заказать «Цимлянское».

Костенко: — Выпила много?

Пастухов: — Глоток, я еще удивился... Зачем было бутылку просить?

Костенко: — А больше вы ничему не удивились?

Пастухов: — Я сказал, чему я удивился. Потом удивляться было нечему, совершенно чужой человек по духу

Костенко: — Погодите, не надо сплеча. Она обратилась к вам с той просьбой до того, как выходила в туалет, или позже?

Пастухов: — Позже.

Костенко: — Точно?

Пастухов: — Абсолютно. Когда я отрезал, она как-то съежилась и сказала, что, мол, все это ерунда, выбрось из головы, и попросила «Цимлянского»...

Генерал заметил:

— Видимо, хахаль сидел не за соседним столиком, а в стороне, бутылка была у них сигналом тревоги.

— Я тоже так считаю.

— Значит, ваша версия о золоте абсолютна.

— Это версия, доказательств нет.

— А что Жуков? ОБХСС работает в Магаданском «Центроприиске»?

— Там полный порядок, никаких недостач.

— У Петровой могли быть данные, где наиболее активно разведуют новые золотоносные жилы?

— Предположительно — наверняка. Доказательств — никаких.

«Костенко: — Она чем-нибудь мотивировала свою просьбу, товарищ Пастухов?

Пастухов: — Желанием переехать в Адлер, купить там дом, обзавестись, наконец, семьей.

Костенко: — А почему именно в Адлер?

Пастухов: — А там живет ее первый мужчина. Она была в него влюблена, а он женился на другой, она это очень тяжело переживала.

Костенко: — Фамилии не помните?

Пастухов: — Нет. Он работает главбухом в рыбкоопе, это она мне рассказывала.

Костенко: — Перед тем, как идти в кафе?

Пастухов: — Нет, у тети на дне рождения.

Костенко: — Имени тоже не помните?

Пастухов: — Нет... Леша... Или Леня.. Нет, точно не помню...

Костенко: — Письма ее у вас есть?

Пастухов: — Конечно.

Костенко: — Письма тоже захватите.

Пастухов: — Хорошо. Если вы сделаете мне полет в Москву — по гроб жизни буду благодарен, девятый месяц в рейсе...»

— С Адлером успели связаться? — спросил генерал.

— Еще нет.

— Поручили бы Тадаве.

— Он на ветеранах и архивах, Дмитрий Иванович.

— Ну-ну... Что-нибудь есть?

— Пока мало.

— А это хорошо. Не люблю, когда сразу же в руки плывет информация, значит, потом сработает закон подлости, все оборвется. Ну, счастливо вам, Владислав Романович, я поехал домой

— Я тоже

— Но вы ведь дежурите по управлению! — удивился генерал.

— Меня подменят до двенадцати. Я должен быть на поминках Левона Кочаряна.

— Режиссер?

— Да.

— По-моему, десять лет назад умер?

— Да.

— Помню..

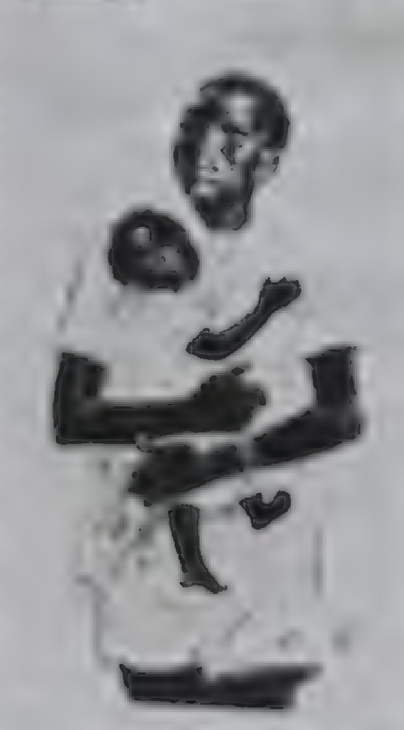
— А я забыть не могу,— усмехнулся Костенко.— Экая ведь разница словесная: «помню» и «не могу забыть».

Продолжение следует.

Крытый стадион на проспекте мира.

ТРУДНОЕ НАЧАЛО







У РОДНИКА



— Да, кипятить воду здесь просто трудно. Но что — расписаться в своем бессилии и уйти? Вежливо улыбнуться хозяевам и сказать на прощание: мол, ничего, со временем и в их глубинке революция облегчит жизнь. Они семи в это верят, не зря же с яростью громят окрестные помещичьи и кулацкие банды. Но что можно сделать уже сегодня, не закрывая беды розовой картиной завтрашнего дня?

Степан, насупив брови, глядел на слабеющий огонек костра. Пожалуй, только и остается, что попытаться уничтожить заразу в самом источнике.

Быстро столковавшись с хозяином, Степан, Александр Иванович и Демиссие поднялись и стали прощаться.

— Значит, переведи еще раз,— сказал Степан, уже выйдя из тукуля в прохладу сумерек.— Завтра у нас воскресенье, день нерабочий, и мы с утра придем, осмотрим ваше озеро. Попроси его и других крестьян тоже подойти туда, может, сообща выясним, почему болеют люди от тамошней воды.

Крестьянин Безабех, кивая после каждого слова переводчика, проводил их до спуска. Степан, оглядываясь, все видел его длинную тощую фигуру. Безабех напоминал привидение в залитой лунным светом белой эфиопской накидке — шамме.

Утром, подходя к озеру, Степан, Александр Иванович, Борис и их постоянный спутник Демиссие еще издали услышали гомон толпы. Похоже, что на берег высыпал весь поселок. Большой группой стояли, солидно беседуя, мужчины. Неподалеку шумели женщины, надевшие то ли по случаю воскресенья, или этого собрания лучшие свои наряды, украшенные разноцветной вышивкой. Увидев Степана и его спутников, навстречу заспешил директор школы Йоханнес Рафаэль. По его широко распахнутым рукам, щедрой улыбке в густой курчавой бородке, смеющимся на смуглом лице глазам можно было подумать, что он их век не видел, хотя расстались не далее как вчера вечером.

После взаимных приветствий Йоханнес согнал улыбку с лица и укоризненно покачал головой.

— Что же вы мне, старому другу, даже ни полслова не сказали вчера о вашем намерении излечить дурную воду в озере?

— Откуда вы узнали об этом нашем намерении? — улыбаясь, спросил Степан.

— Да весь поселок только и говорит об этом, ведь нет дома у нас, чтобы кто-нибудь не маялся животом.

— Да, но речь идет пока просто об осмотре вашего озера. Мы еще не знаем, сможем ли что сделать.

— Вы не знаете? Вы, вылечившие тысячи самых тяжелых больных в Дамбо.— В голосе Йоханнеса Рафаэля звучало изумление.— Да вы хоть понимаете, как вам верят эти все люди кругом? — Йоханнес показал на толпу примолкших, внимательно наблюдавших за ними крестьян.

— Вы помните, что после вашего приезда в Дамбо здесь разразилась гроза, первая гроза после многих месяцев суши? Так я вам скажу, что после того, как вы поставили на ноги нескольких больных, по местным понятиям, уже обреченных на смерть, здесь, в Дамбо, стали ходить слухи, что именно вы и избавили нас от засухи. Это пусть наивная, но вера в могущество, в знания, в искусные руки советских врачей. Она, эта вера, опора в вашей работе, ее никак нельзя разрушать. Придется и вам и нам сообща заразу из озера выводить. Я вон и ребят из нашей школы привел, может, помогут.

— В общем, по русской поговорке — взялся за гуж, не говори, что не дюж,— усмехнулся Александр Иванович.— Что ж, Степан, давай осмотрим «больного», пощупаем это их озеро.

Подойдя к толпе крестьян, пожимая протянутые руки, Степан внимательно глядел в их глаза. Он видел в них дружелюбие, интерес и ту самую веру, о которой говорил Йоханнес, что вместе с ними, советскими врачами, они избавятся от терзающего их недуга. Обмануть ожидания этих измученных людей было нельзя, и Степан повернулся к озеру. Оно лежало чуть выше дороги, в выемке горного склона. Озеро представляло собой малопривлекательную картину. Низкий берег был сплошь затоптан скотом, вода была сера и мутна от грязи. Правда, противоположный крутой берег был затенен нежной хвоей туи, поднявшейся в расщелине бурых скал, буйной порослью молодых олеандров. Их цветущие ярко-красными пахучими цветами ветви склонялись к чистой, спокойной воде. Чувствовалось, что там глубоко. Да и берег был слишком крут, туда могли добраться разве что антилопы или дикие козы.

— Что, разве нельзя поить ваших коров не в этом озере, а в другом месте? — услышал он голос Александра Ивановича.

— Как правило, так и делаем в дождливое время, когда все озера кругом полны водой,— ответил Йоханнес Рафаэль.— Во время же сухого сезона только в этом озере есть вода, оно никогда не пересыхает.

— Никогда не пересыхает...— Степан пристально поглядел на зеленые древесные купы на дальнем берегу озера и, как наяву, услышал ласковый, с придыханием голос своей старой бабки Анны: «Выпей, внучек, это из нашего родника водица, она и в самое пекло не пересыхает и не теплеет». И вот он, голенастый мальчонка, опять в родной деревне Чуфичево под Старым Осколом, приехал из города на каникулы к бабке. А она не знает, чем бы попотчевать любимого внука — то ли своим медом, то ли вишней из сада. И все-таки первым делом предложила родниковую чуфичевскую водицу. Такой, по ее убеждению, не было нигде. Степан берет из дрожащей от старости веснушчатой руки большую эмалированную битую-перебитую кружку. И этот сок родной земли вливается в него, холодный и сладкий, захватывая дух и наполняя свежестью и силой. Степан даже глаза зажмурил — до того ярко и сильно было воспоминание...

И тут же, повернувшись к Йоханнесу, быстро спросил:

— А родники в этом озере бьют?

— Родники? Вот чего не знаю, того не знаю.

— Так спросите у своих ребят, они наверняка купаются здесь, вон у них даже волосы не обсохли.

На гортанный крик Йоханнеса прибежала целая стайка ребятишек. Теснясь и глядя преданными глазами на своего, видно по всему, любимого учителя, они хором отвечали на поток его вопросов. Чаще всего звучало «Ау» — «Да».

— Вы, пожалуй, правы, доктор,— повернул бородатое лицо к Степану Йоханнес Рафаэль,— ребята все в один голос рассказывают, что у того берега, если глубоко нырнуть, попадешь в очень холодный подводный ручей. Там, наверное, родники бьют, не дают озеру пересохнуть.

Все помолчали, глядя на дальний берег озера.

Тут Александр Иванович, прервав паузу, показал рукой в сторону дороги и сказал:

— И коровы, видно, чувствуют, что здесь всегда можно напиться,— вон стадо сюда движется.

Через минуту на мелководье с мычанием вползло огромное стадо. Весь берег разноцветно запестрел. Мосластые горбатые коровы-зебу с чмоканьем, взахлеб пили мутную прибрежную воду.

— А потом отсюда же берут воду люди,— тихо проговорил Александр Иванович.— Чего уж тут удивляться болезням!

Все вновь помолчали, рассматривая коров. Те, довольно мыча, облизывали морды и выходили из озера на дорогу.

— Придется эту воду спустить,— нарушил молчание Степан,— тогда болезни отступят, люди Дамбо будут пить здоровую, чистую воду из родников у дальнего берега. Скотине же нужно соорудить запруду ниже, вон, видите, в высохшем глубоком русле ручья. Там, у дороги, и устроить новый водопой.

Когда Йоханнес Рафаэль, быстро загоревшийся предложением Степана, подошел вместе с врачами к жителям поселка и все им рассказал, над толпой повисло молчание. И вдруг все заговорили разом. Йоханнес, поворачивая голову от одного оратора к другому, все более мрачнел. Потом не выдержал, начал что-то быстро объяснять на местном наречии, явно убеждая крестьян. Те в ответ качали упрямо головами: «Нет, нет, нет».

— Вы знаете, что они говорят? — спросил Йоханнес чуть погодя у врачей.— Они не хотят спускать озеро. Мол, есть ли в озере родники — в этом большое сомнение, а вот без этого озера скотина в месяцы суши передохнет, и им туго придется.

— Ну, а о болезнях, которые их сейчас от дурной воды мучают, ты им сказал? — спросил Александр Иванович.

Йоханнес только пожал плечами:

— Конечно. А вон тот крикун отвечает: переждем, они, глядишь, и сами пройдут.

— Что ж, буду, как говорится, принимать огонь на себя,— сказал Степан и вышел вперед.— Давай переводи, я сам скажу несколько слов.

Степан повернулся к крестьянам. На него смотрели уже не те дружеские и приветливые, а настороженные, а то и прямо колючие глаза. Не смущаясь этим, он громко произнес:

— Друзья, я и мои товарищи спасли многих вас от смерти. Не так ли?

Казалось, все крестьяне в один голос прошептали:

— Да!

— Вы нам верите?

И опять уже громкое:

— Да, да!

— Тогда я прошу вас, поверьте и тому, что я вам говорю об озере. Спустив сейчас его в запруду для скота, вы будете пить чистую родниковую воду и навсегда избавитесь от нынешних болезней.

Когда через полчаса крестьяне принесли из дома кирки и лопаты и у озера закипела работа, Йоханнес хлопнул Степана по плечу и сказал:

— Теперь ты видишь, какие чудеса творит вера крестьян в «русских хакимов»?

— Веру в себя нужно подкреплять делами,— ответил Степан, орудуя длинным ломом.

Поднажав на него, он с натугой вывернул увесистый валун, тот с грохотом покатился вниз, туда, где собирались строить запруду. Выпрямившись, чтобы вытереть пот, он увидел, что эфиопы уже разделились на две группы. Одна, побольше, только из мужчин, стаскивала камни, валежник и землю вниз по руслу ручья. Там, у спускавшейся в ручей скалы, предстояло построить плотину. Другая, наверху, где работали Александр Иванович, Демиссие и Борис, включала и женщин. Рядом с переводчиком Степан увидел их новую санитарку из Дамбо — Алганеш. Даже издали Степан узнал ее ослепительную улыбку, обращенную к Демиссие. Молодые сочные губы ярко алели на смуглом лице. Степан не раз уже замечал эту парочку в уединении, погруженную в нескончаемую беседу. Легкие прикосновения рук, глаза, устремленные друг на друга, нежный шепот. Прекрасные, волнующие знаки любви. Они едины для всех людей всех цветов кожи. Степан чуть слышно вздохнул: где-то его Катенька сейчас? Что делает? О чем думает? Уже много месяцев — одни письма. Нет, они не спасают от тоски... И если бы не короткое, как приказ перед боем, слово «надо», Степан уже давно умчался бы домой. Но пока — надо! — и изволь сжать зубы. Надо по-мужски, до конца доводить порученное тебе дело.

Уже к закату дня через канал, вырытый у нижнего края озера, хлынул поток воды.

Степан, только спала вода в озерце, бегом кинулся, шлепая по лужам на дне, к дальнему крутому берегу. Родник, где он? Здесь нет, и здесь, и здесь. Обежав самый дальний огромный валун, Степан остановился как вкопанный — и здесь, на дне, кроме тины и барахтающихся в ней мелких рыбешек, ничего нет. Навалилась тяжесть длинного рабочего дня, заныли сбитые мозоли на руках. Неужто все напрасно?

— Не могли мы ошибиться! — Степан ударил кулаком по раскрытой ладони другой руки.

И тут же увидел, что по глянцевитой поверхности громадного валуна змеились водяные струи, услышал журчание где-то вверху.

Степан вскинул голову. Над валуном, из береговой скалы лилась, пульсируя, вода. Родник! Подставив руку, Степан поймал целую пригоршню холодной чистой воды. С шумом хлебнул из ладони. Он готов был поклясться в ту минуту — вода оказалась с тем же сладким привкусом, что и из родника в деревне Чуфичево. Родника его детства, его родины.

ЕЙ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО ОНА — РОССИЯ

Стихи Л. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

Музыка М. ЧИСТОВА

Пуля,
Жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Некого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!
От глухих рыданий обессиля,
Задремала.
И приснилось ей,
Будто бы она —
Сама Россия,
Мать ста миллионов сыновей.
Будто в поле,
Вихрем опаленном,
Где последний догорает бой,
Кличет,
Называя поименно,
Сыновей,
Что не придут домой.
Беззаветно храбрых и красивых,
Жизнь отдавших, чтоб жила она...
Никогда их не забыть России,
Как морей не вычерпать до дна.
...Снег дымится.
Он пропитан кровью.
Меж убитых тихо мать идет
И с суровой терпеливой скорбью
В изголовье Вечность им кладет.
А в душе не иссякает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она —
Россия,
Мать ста миллионов сыновей!



В РАТНОМ НЕБЕ

Свою новую повесть «Крылатые люди» известный летчик-испытатель и писатель Игорь Шелест посвятил людям поистине героической профессии — летчикам АДД, авиации дальнего действия. Повесть построена на документальном, тщательно отобранном и строго выверенном материале.

Книга Игоря Шелеста — интересный человеческий документ, иные страницы которого потрясают заключенной в них высокой правдой дерзания и подвига, совершенных «не ради славы — ради жизни на земле». Многочисленные события военной поры, перенесенные из тайников писательской памяти в книгу, дают читателю представление не только о героях, но и о личности самого автора.

Эта книга рассказывает, собственно, о буднях летчиков АДД. Но будни те были совсем не по-будничному полны опасности, постоянного риска. И потому столь захватывающи подлинные сюжеты, с которыми знакомит нас писатель. Еще бы: попадая в неприятельский тыл, летчик должен быть готов ко всевозможным каверзам и сюрпризам, тут уж и смелость, и расторопность, и выдержка, и находчивость, и гибкая интуиция, и трезвый расчет не только уместны, но и необходимы. Вовсе не преследуя цель непременно заинтересовать нас напряженностью действия, автор достигает тем не менее редкой силы эффекта — эффекта занимательности. от некоторых страниц просто невозможно оторваться. Мы то и дело застаем героев повести в коллизиях столь непредсказуемых и запутанных, диктуемых жестокой реальностью боевой обстановки, что у нас поневоле возникает изумление, когда из самых неимоверных, самых затруднительных переплетов герой находит неожиданный и блестящий выход. Мотив всестороннего испытания человека в критических условиях, создаваемых войной, решительной проверки, оценки его нравственных и физических качеств и возможностей — ведущий, главенствующий мотив повести. Подобные испытания порой обессиливают и изнуряют, но они же дают истинно мужественным людям незаменимую закалку. Готовность истинных защитников Отечества выполнить свой долг до конца, пожертвовав, если надо, и жизнью во имя грядущей Победы, гражданственность, вошедшая в их кровь и плоть, ставшая для них высшим мерилом поступков и помыслов,— вот что озаряет немеркнущим светом героики страницы повести, посвященные ратному труду летчиков АДД. В героях книги живет тот патриотический порыв, что окрылял и воодушевлял наш народ в тяжкие дни великой битвы. Книга Игоря Шелеста привлекательна не одним только доскональным знанием войны, но и нравственным потенциалом. Она воспитывает молодежь в духе высокой патриотической окрыленности.

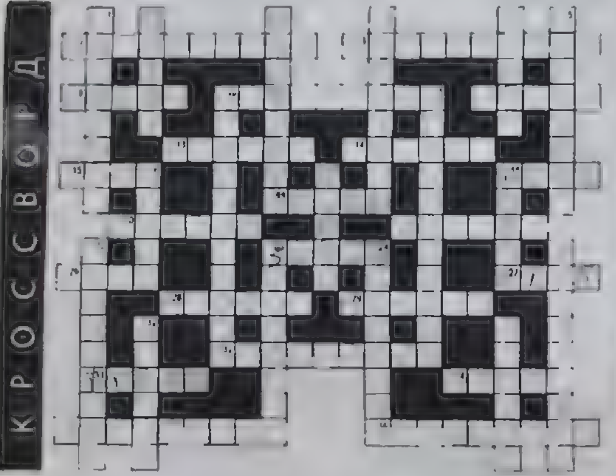
А. ТВЕРСКОЙ

И. Шелест. Крылатые люди. Повесть. М., «Московский рабочий», 1980. 248 с.

По горизонтали: 7. Вид спорта. 8. Чемпион XVII, XIX Олимпийских игр по ходьбе на 20 километров. 9. Отдельное состязание на скорость. 10. Спортсменка советской команды, завоевавшей на XX Олимпиаде первенство по выездке. 12. Гребная спортивная лодка. 13. Чемпион по тяжелой атлетике XXI Олимпийских игр в легком весе. 14. Член советской команды, завоевавшей на XVIII Олимпиаде первенство по современному пятиборью. 15. Скорость, быстрота движения. 18. Город, место предварительного футбольного турнира Олимпиады-80. 19. Зеленый покров футбольного поля. 20. Спортивная награда. 21. Член советской команды, выигравшей на XVIII и XIX Олимпиадах первенство по фехтованию на саблях. 23. Вдающаяся в сушу часть моря, озера, используемая для судоходства и занятий водными видами спорта. 26. Чемпион XIX Олимпиады по академической гребле. 27. Общественная организация, объединяющая любителей спорта. 28. Награжденный участник соревнования. 29. Советская футбольная команда. 32. Чемпион XXI Олимпиады по гимнастике. 33. Щит со световыми сигналами на стадионах. 34. Чемпион XIX Олимпийских игр в метании копья. 35. Чемпион по вольной борьбе XVIII Олимпиады в тяжелом весе. 36. Город, где состоялись IX Олимпийские игры.

По вертикали: 1. Чемпион XX и XXI Олимпиад по классической борьбе в среднем весе. 2. Спортсмен, силач. 3. Спортивное огнестрельное оружие. 4. Спортсменка советской команды, выигравшей на XVII, XIX, XX Олимпийских играх первенство по фехтованию на рапирах. 5. Заключительные встречи в спортивных соревнованиях. 6. Чемпион XVI Олимпиады по классической борьбе в полутяжелом весе. 10. Гимнастический снаряд. 11. Нападающий советской хоккейной команды, выигравшей первенство на XII зимних Олимпийских играх. 16. Чемпионка XVII и XVIII Олимпиад по толканию ядра. 17. Оружие фехтовальщика. 18. Площадка для состязаний на коньках. 22. Советский композитор, автор песен о спорте. 23. Класс спортивной яхты. 24. Гимнастка, участница советской команды, завоевавшей первенство на XIX Олимпиаде. 25. Гимнастка, чемпионка XIX Олимпийских игр. 30. Гандболистка, чемпионка XXI Олимпиады. 31. Возможность, условие для достижения лучших результатов.

КРОССВОРД



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 1. Антрим. 4. Ленкина. 7. Толокно. 8. Граната. 9. Гвадалквивир. 13. Сокол. 14. Прототип. 16. Фраза. 17. Вата. 18. Нори. 19. Орша. 20. Фтор. 23. Рабле. 25. Алебарда. 26. Топаз. 29. Радиолокатор. 32. Тиноага. 33. Рулетка. 34. Веранда. 35. Награда.

По вертикали: 1. Автобус. 2. Тальник. 3. Айова. 4. «Лигон». 5. Имандра. 6. Афалина. 9. Гальванометр. 10. Азот. 11. Ватт. 12. Рефрижератор. 14. Петрушка. 15. Пролетка. 21. Песо. 22. Франк. 23. Реактив. 24. Бульвар. 27. Пилотка. 28. Застава. 30. Драма. 31. Турин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Центральный стадион имени В. И. Ленина • Мозаика в Олимпийской деревне • Велотрек в Крылатском.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Плавательный бассейн в Лужниках • Дворец спорта «Динамо» в Химках-Ховрине • Гребной канал • Битцевская конноспортивная база.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27. Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98, Литературы — 212-63-69, Военно-патриотический — 250-15-33, Науки и техники — 212-21-68, Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 253-39-04; Оформления — 212-15-77, Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.06.80. Подписано к печати 15.07.80. А 00494.
Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1515. Заказ № 2518.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.



Сулейман Лаик (справа) и Джалал Бульбульшах.

Фото А. Гостева

НАШИ ГОСТИ

Редакцию журнала «Огонек» посетили на днях гости из героического Афганистана — президент Академии наук ДРА, известный поэт, член Революционного Совета республики Сулейман Лаик и директор Института естественных наук Академии наук Афганистана профессор Джалал Бульбульшах. Афганские гости рассказали о деятельности Академии наук, о положении в стране, поделились своими творческими планами.

КНИГИ — ОЛИМПИАДЕ

Олимпийские игры! Для спортсменов и любителей спорта всего мира, а особенно нашей страны — первого в мире социалистического государства, в котором проходит Олимпиада, это не только самые крупные соревнования нашего времени, на которых состязаются самые сильные, самые ловкие, самые смелые, — это торжество молодости, здоровья, праздник красоты духа и тела.

Конечно, подготовка к Олимпиаде, проведение соревнований в Москве, Ленинграде, Таллине, Киеве, Минске нашли и еще найдут самое широкое отражение в печати. Пожалуй, нет ни одного как центрального, так и местного издательства, в плане которого за последние четыре года не было бы изданий, посвященных Олимпиаде.

Только в издательстве «Физкультура и спорт», которому присвоено звание официального издателя Оргкомитета «Олимпиада-80», вышло около 100 названий книг на русском и иностранных языках тиражом в миллион экземпляров.

Они рассказывают об истории и эволюции Олимпийских игр, о современном олимпийском движении и участии в нем выдающихся советских и зарубежных спортсменов, о развитии советского спорта и его интернациональных связях.

Особое место в спортивной тематике занимают книги, рассказывающие о столицах современных Олимпийских игр, их архитектурном облике, о специально созданных к Олимпиадам спортивных комплексах.

Самое большое место книги о Москве олимпийской заняли в тематических планах «Московского рабочего». Трудно найти такой аспект в жизни Москвы, о котором бы не рассказали книги этого издательства: «До встречи в Москве. Все или почти все об Олимпиаде-80», сборник «Московский спорт: годы, события, люди» — да всего и не перечислишь. А вот о книге «Москва-80. Олимпийский путеводитель», наверное, стоит сказать отдельно. Прекрасно оформленный небольшого формата путеводитель рассказывает не только о программе Олимпиады и ее спортивных сооружениях, но и знакомит читателя с памятными местами столицы, ее историко-революционными, архитектурными и художественными памятниками, музеями, выставками, театрами и концертными залами.

А сколько интересных малоизвестных фактов узнает читатель из этой книги! Например, знаете ли вы, что «свою официальную спортивную историю, зафиксированную в протоколах, Москва начинает с воскресного дня 19 февраля 1889 года, когда на льду «Петровки» состоялся первый в истории России чемпионат по конькобежному спорту. В программе был забег всего на одну дистанцию — 3 версты (3200 метров). Победителем стал Александр Паншин. За соревнованиями наблюдали, как сообщал тогда журнал «К спорту», 1,5 тысячи человек».

Это издание «Московского рабочего» еще раз показывает, что путеводитель, справочник может и должен быть не только познавательным, но и увлекательным чтением.

Хочется отметить, что вся наша литература о спорте ярко, убедительно и достоверно отражает главную черту советского спорта — его социальную значимость: его массовость, демократичность, доступность.

Так, авторы серьезного исследования «Советский олимпиец: социальный портрет», вышедшего в «Физкультуре и спорте», не только проследили, но и проанализировали путь от новичка до олимпийца в нашем спорте. А в книгах издательства «Прогресс» «Социальные функции физической культуры и спорта» и «Дети и спорт в СССР» на конкретных примерах и фактах показано, какое место занимают физкультурное движение и спорт в жизни советского человека, в воспитании гармонично развитой личности.

И в заключение хочется обратить внимание читателей на не совсем обычную книгу, вышедшую в издательстве «Физкультура и спорт». Думается, этот сборник — «Олимпийский огонь. Спорт в творчестве поэтов мира» — вызовет интерес и у любителей поэзии. Впервые сделана попытка издать стихи о спорте разных эпох (начиная с античной) и народов. Среди поэтов — авторов сборника и основатель современного олимпийского движения видный общественный деятель, не раз получавший награды на поэтических конкурсах, входивших в культурную программу Олимпиад, Пьер де Кубертен. Его слова из «Оды спорту» можно поставить эпиграфом ко всем советским изданиям, посвященным XXII Олимпийским играм:

Проходят века. Жизнь
торжествует. Ты живешь,
неподвластный времени, спорт!

М. СЕРГЕЕВА



РАЗДУМЬЯ ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА

Николай ОЗЕРОВ,
народный артист РСФСР,
заслуженный мастер спорта



Мы, спортивные комментаторы, входим всего лишь в одно из многочисленных подразделений, призванных обслуживать спортивные соревнования. Но надо признать, что роль и значение электронной прессы, как нас теперь называют, стремительно возрастает. Благодаря бурно развивающейся телевизионной технике, космическим спутникам связи рамки стадионов за последние годы раздвинулись до неоглядных масштабов.

Мне довелось вести репортаж с шести футбольных чемпионатов мира, двадцати двух мировых первенств по хоккею, с тринадцати летних и зимних Олимпиад, и становление спортивного телевидения свершалось на моих глазах. Я видел, как рос интерес к передачам о спорте и как вместе с этим усложнялась наша работа. Вспоминаются Олимпийские игры 1952 года, на которых советская команда выступала впервые. Тогда Олимпиады по телевидению еще не передавались, велись лишь радиорепортажи, но уже через четыре года в Мельбурне, телевизионные репортажи стали явью, однако смотреть их могли тогда лишь жители столицы Австралии и ближайших к ней населенных пунктов. И вот всего лишь через четыре года в Риме телевизионные передачи вышли за пределы одной страны и ход спортивной борьбы можно было увидеть на телевизорах девяти европейских стран, на Олимпийских играх в Токио, впервые были использованы космические спутники связи, а телевизионная аудитория мексиканской Олимпиады уже исчислялась в пятьсот миллионов человек. Игры в Мюнхене смотрели около миллиарда человек, а монреальские соревнования — полтора миллиарда.

И это не предел! Если в Монреале работало всего 9 каналов телевизионных передач, 6 студий, 2 цветные передвижные станции, то у нас в Москве будет действовать 20 каналов цветного телевидения, предназначенных для иностранных телекомпаний, 22 студии, 280 стационарных телекамер и 73 передвижные телевизионные станции. Передачи из Москвы смогут увидеть два миллиарда любителей спорта, живущих на всех земных континентах.

Спортивный комментатор, готовясь к Олимпиаде, заранее настраивается на ее волну, вот и я решил как-то тихим, спокойным вечером побывать в телестудиях, операторских, монтажных нового телевизионного центра, выросшего словно в сказке рядом с нашим уже давно действующим. В просторном, не обжитом огромном здании, в его еще не «обговоренных», если можно так сказать, просторных залах, снабженных самой современной телевизионной аппаратурой, еще царил полнейший, я бы сказал, какой-то дремотный покой. И я подумал, глядя на невключенные микрофоны: «Неужели они заговорят!» А потом я подумал о моих коллегах из американской телекомпании Эн-Би-Си, которые должны передавать ход Олимпиады для своей страны. Неужели их микрофоны так и останутся невключенными! Неужели прекрасная новая техника современного телевидения так и не будет ими использована на всю ее полную мощь! И мне стало жаль моих заокеанских коллег, а вместе с ними многочисленных любителей спорта США.

Включив микрофон, репортер электронной прессы как бы слышит за своей спиной дыхание огромной массы людей, которые ждут от него мгновенного рассказа и показа. Ты еще не успел открыть рот, а зрители уже подталкивают тебя: «Короче, короче... Но вместе с тем и полнее, подробнее, достовернее»,— требуют они. И вот представьте себе, что в тот самый момент, когда вы уже готовы произнести знакомую всем телезрителям фразу: «Внимание, говорит и показывает...» — ваш микрофон выключается.

Да, не хотел бы я оказаться на месте такого внезапно онемевшего телерепортера, и, может быть, потому, присев за один из пультов к невключенному микрофону, заставил себя думать не о тех моих коллегах, которые не смогут занять предназначенные для них рабочие места, а о том, как я буду работать эти долгие и мимолетные шестнадцать дней.

К новому выступлению всегда готовишься исподволь, за много дней, особенно на Олимпийских играх, и, как это часто бывает, когда думаешь о будущем, хоть и совсем близком, но будущем, вспоминается прошлое. Вот и я, готовясь к своей четырнадцатой Олимпиаде, вдруг вспомнил первую, Хельсинки 1952 года, куда я, молодой спортивный комментатор, поехал со своим учителем Вадимом Святославовичем Синявским вести радиорепортажи. И вот я увидел себя за полицейским ограждением около трибуны почета, на которую поднималась наша первая олимпийская чемпионка — метательница диска Нина Ромашкова, а вместе с ней еще две советские спортсменки — Елизавета Багрянцева и Нина Думбадзе. Я должен был прорваться к олимпийской чемпионке, записать ее рассказ, чтобы через полчаса он мог прозвучать в эфире, но меня не пускают. «Нина, Нина!» — кричу я и показываю на микрофон, но Ромашкова только пожимает плечами...

У нас на радио действует железный закон: голос чемпиона со всеми его неповторимыми интонациями должен быть записан сразу же после победы, и я страшно волнуюсь. И вот вижу, как Нина, получив золотую медаль, скрывается в подземном переходе. Неужели все пропало! При мысли об этом я бесстрашно бросаюсь на полицейский кордон, прорываюсь сквозь него и бегу вслед за нашей спортсменкой... Вот когда мне пригодилась теннисная прыть (как-никак мне, неоднократному чемпиону страны, немало часов пришлось побегать по корту). Задание было выполнено, а на следующий день в газетах появился рассказ о том, как какой-то молодой человек, обогнав всех маститых корреспондентов, похитил олимпийскую чемпионку и не дал ей ни с кем слова сказать. Этот молодой человек — видимо, ужасный ревнивец, сообщал репортер,— оказался женихом прекрасной дискоболки.

Вот как я впервые попал на страницы зарубежной прессы.

Впоследствии мне довелось не раз, как говорится, с пылу с жару рассказывать о победах наших славных олимпийцев. С трибуны мельбурнского стадиона я описывал незабываемую победу Владимира Куца над лучшими стайерами мира. Я видел, как поздним римским вечером восхищенные зрители уносили на руках в олимпийскую деревню советского штангиста Юрия Власова. Я до сих пор помню мельчайшие подробности побед гребца Вячеслава Иванова, борца Александра Медведя, легкоатлета Виктора Санеева, которые трижды становились олимпийскими чемпионами (разве это не подвиг — держать спортивную форму двенадцать лет!). А как можно забыть тот знойный день в Риме, когда на раскаленном шоссе велогонщик Виктор Капитонов первым пролетел 175 километров! Или сырой темный вечер в Токио, когда мы смогли сообщить в Москву о победе в прыжках в высоту Валерия Брумеля! До сих пор живут во мне три баскетбольные секунды финального матча сборных команд СССР и США в Мюнхене, хотя не я, а Нина Еремина вела репортаж об этой игре. Но я сидел рядом с ней





Советские спортсмены — участники XXII Олимпийских игр

Фото А. Бочинина

и еще острее чувствовал напряжение этого матча. Наши проигрывали очко, и Нина, охрипшая, изнемогающая, так же как и баскетболисты, спрашивала у своих невидимых зрителей, можно ли вырвать победу за эти оставшиеся три секунды. Она спрашивала, сама уже не веря, что это возможно, и все же надеясь и требуя этой победы. И когда Александр Белов за мгновение до финального свистка судьи забросил победный мяч, дав своей команде перевес в одно очко, я испытал такой подъем сил, что, казалось, смогу снова повторить весь этот репортаж с начала до конца.

Наша профессия требует огромной отдачи и физической и нервной энергии, большого знания спорта, безотказной памяти, неуемной оперативности. Пришел, увидел, передал — так можно было бы перефразировать знаменитое латинское изречение, но я все чаще спрашиваю себя: ну, а что же дальше? Неужели наша задача только в том, чтобы сообщать в эфир фамилии победителей и цифры их рекордов? Нет, конечно, нет! Задача спортивных комментаторов значительно шире. Так же как мы используем космические спутники для того, чтобы наши репортажи не знали барьеров земных расстояний, так и сам спорт должен стать повсеместным увлечением. Миллионы любителей спорта чувствуют, как незримые волны мужества, воли, бесстрашия, мастерства, отражаясь от спутника «Спорт», вдохновляют их на высокие дерзания, на вдохновенный труд. Для миллионов людей олимпийский чемпион становится эталоном высоких моральных и физических качеств, и мы, журналисты и космические и земные, должны умело использовать эти благородные достоинства спорта. Вот почему я всегда так радуюсь творческим успехам наших спортсменов и тогда, когда они еще выступают, и тогда, когда покидают спортивные арены. И я стараюсь делать все, чтобы люди разделяли со мной эту радость. Разве не вдохновляет нас пример Николая Озолина, чемпиона страны по прыжкам с шестом, а ныне доктора педагогических наук, профессора, или Зои Мироновой, в прошлом чемпионки СССР по конькобежному спорту, а теперь известного хирурга? Ушел из спорта после Мельбурна олимпийский чемпион Геннадий Шатков, но боксер в прошлом стал ныне кандидатом



юридических наук. Мы не забыли до сих пор выдающихся успехов чемпиона мира по шахматам Михаила Ботвинника, но его победы и сегодня не меньше, только в другой области — он доктор технических наук. Известный футболист тбилисского «Динамо» Зураб Соткилава стал народным артистом СССР, одним из лучших исполнителей роли Отелло на оперной сцене. А Инеса Яунзем? На Олимпийских играх в Мельбурне она дальше всех метнула копье, сегодня же Инеса известна в Латвии как хирург-виртуоз.

Таких примеров множество. Рядом со мной на телевидении работает Александр Иваницкий, в прошлом олимпийский чемпион по вольной борьбе, а ныне главный редактор спортивных программ телевидения и радио. Валерий Борзов, сильнейший спринтер мюнхенской Олимпиады и призер Олимпиады монреальской, уже не выйдет на старт Олимпийских игр в Москве, но ныне он секретарь ЦК комсомола Украины. И я не сомневаюсь в том, что через несколько лет мы продолжим рассказ о тех, кто сделал свое дело на XXII Олимпиаде и продолжает свой победный путь на аренах трудовых...

Вот о чем я думал, сидя тихим московским вечером в одной из студий нового телецентра. В этом огромном здании будут продуктивно работать 1200 телекомментаторов, телеоператоров, режиссеров из многих стран мира. Двадцать восемь лет назад с первой нашей Олимпиады в Хельсинки вели репортажи всего два спортивных комментатора советского радио — Вадим Синявский и его помощник Николай Озеров, с нашей восьмой Олимпиады репортажи по советскому телевидению и радио будет вести большая группа советских тележурналистов, мастеров своего дела, не раз уже выступавших на больших соревнованиях, таких, как Наум Дымарский, Котэ Махарадзе, Нина Еремина, Владимир Маслаченко, Анна Дмитриева, Лариса Петрик, Евгений Майоров, Георгий Саркисьянц, Владислав Семенов, Александр Курашов и многие другие. И я верю в то, что и мне и моим коллегам выпадет честь рассказать о многих замечательных победах советских спортсменов.

Московская Олимпиада начинается, микрофоны включены, зажглись телеэкраны. Внимание! Идет телепередача!



ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663